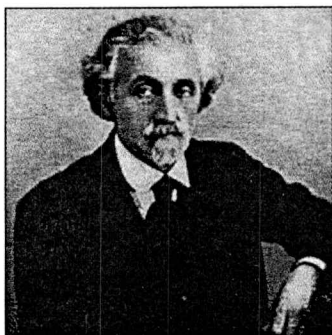

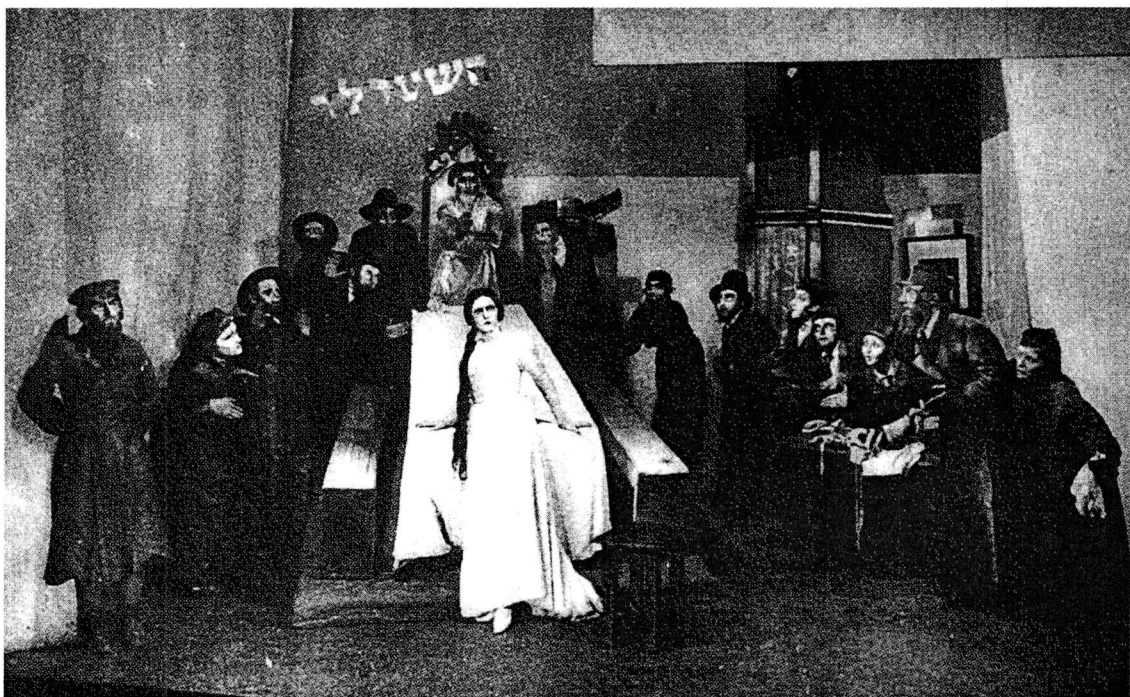
С. Ан-ский

МЕЖ ДВУХ МИРОВ (Дибук)

Еврейская
драматическая легенда
в четырех действиях
с прологом и эпилогом

С. Ан-ский
(настоящее
имя –
Шлойме
Райпопорт,
1863, Чашники
Витебской
губернии –
1920, Варшава).
Писатель
и фольклорист

Сцены
из спектакля.
Сценография
Н. Альтмана.

Сцена из второго
действия

Сцена из третьего
действия

«Габима»,
1922.

Слово «дибук» на иврите означает наваждение, дух, вселившийся в другого человека. В названии пьесы на идише и на иврите к слову «дибук» добавился определенный артикль: на идише пьеса называется «Дер Дибук», а на иврите – «Гадибук». В галерею классики мирового театра пьеса Ан-ского вошла благодаря постановке Е. Вахтангова, сыгранному на иврите (театр «Габима», 1922 г.). Так в российской театральной традиции в написании названия пьесы закрепилось полное ивритское название – «Гадибук». Подробно история создания пьесы и ее постановки в «Габиме» описана в публикуемой в настоящем издании статье Владислава Иванова. Отметим другие постановки, не упомянутые в данной статье. Впервые «Дибук» был поставлен на идише в 1920 г. Виленской труппой в Варшаве. В 1921 г. состоялась премьера «Дибука» в Еврейском Художественном театре в Нью-Йорке (также на идише). В 1924 г. пьеса была поставлена на идише в другом нью-йоркском еврейском театре – «Унзер театер». В 1925 г. «Дибук» по-польски был сыгран в Варшаве и Лодзи, и по-английски – в Нью-Йорке («Нейборхуд хауз»). В 1926 г. «Дибук» был сыгран по-украински в Украинском театре Львова. В 1927 г. состоялась премьера пьесы в Королевском театре в Лондоне (по-английски). В том же году «Дибука» сыграли в Копенгагене (по-датски) и в Стокгольме (по-шведски). В 1929 г. «Дибук» был поставлен в Национальном театре Болгарии в Софии (по-болгарски). В 1937 г. на экраны вышел фильм «Дибук» (Польша; на идише). Эта лента пользовалась огромной популярностью как в Европе, так и в США. За последние четверть века «Дибук» был трижды вновь поставлен в «Габиме»: в 1979 г. (режиссер Йосеф Чайкин), в 1988 г. (режиссер Анджей Вайда) и в 1998 г. (режиссер Ханан Снир).

Авторский текст.
Цензурный вариант.

Публикация и глоссарий
В. Иванова

Действующие лица

В прологе и эпилоге:
Старик.

Дочь.

В драме:
**Раби* Шлоймеле
 Тартаковер,**
 цадик*, старик.

Михоэль,
 его главный служка
 (габай).

Раби Шамшон,
 раввин* в Тартакове.

1-й духовный судья
 (даян).

2-й духовный судья
 (даян).

Раввин в Бринице.

Сендер Гевирцман,
 купец, хасид* в Бринице.

Лия,
 его дочь.

Фрада,
 ее старая няня.

Гитель,
Бася,
 племянницы Лии,
 приезжие.

Хонон,
Энех,
Хаим,
 ешиботники* в Бринице.

Меер,
 синагогальный служка в
 Бринице.

1-й старик,
2-й старик,
3-й старик,
 синагогальные
 завсегдатаи,
 старики.

Раби – титул, обычно применяемый к раввину, учителю хедера или хасидскому цадик.

Цадик (ивр. праведный) – здесь: духовный вождь хасидской общины.

Раввин – звание, присваиваемое по получении высшего еврейского религиозного образования, дающего право возглавлять конгрегацию или общину, преподавать в иешиве и быть членом религиозного суда.

Хасидизм – религиозно-мистическое народное движение, основанное Израэлем б. Элизером Бал-Шем-Товом во 2-й четверти XVIII в.

Ешибот (также: иешива) – см. прим. к стр. 240 («Бог мести»).

Маршалок (также: бадхан) – увеселитель, забавляющий гостей на семейных торжествах, главным образом на свадьбах.

Прохожий старик.

Старый хасид.

Пожилая еврейка.

Маршалок*,
свадебный поэт.

Алтер,
сервировщик.

Бабка Хана,
повитуха.

Кухарка.

Свадебный гость.

Горбун.

Нищий на костылях.
Хромая старуха,
Безрукая старуха,
Полуслепая старуха,
нищие.

Высокая бледная
женщина,
нищая.

Хасиды,
ешиботники,
прихожане,
лавочники,
лавочницы,
свадебные гости,
слуги,
нищие,
уличные прохожие,
женщины,
дети,
водонос,
вторая кухарка.

*Первое и второе действия
происходят в Бринице,
третье и четвертое –
в Тартакове,
в доме раби Шлоймеле.
Между первым и вторым
действиями проходит
три месяца.*

С. Ан-ский

МЕЖ ДВУХ МИРОВ (Дибук)

П Р О Л О Г

*Большая, хорошо убранная комната. Посреди комнаты стол, заваленный старыми фолиантами. У стены – мягкий диван. У входных дверей – пожилой человек в темном пальто и котелке, собираясь уйти, крепко пожимает руку провожающему его с лампой в руке **Старику** и печально, с поникшей головой, медленно уходит. Старик, подавшись вперед, точно желая его задержать, остается на месте. Потом проводит рукой по лбу, возвращается медленно к столу, ставит лампу, садится в кресло, раскрывает фолиант и углубляется в чтение. Пауза. Из внутренних комнат неслышно выходит в белом ночном одеянии **Дочь**, бледная и хрупкая. Останавливается у дверей.*

Дочь (нерешительно). Папа...

Старик (оборачивается к ней, тревожно). Что ты, дочь моя?

Дочь. Не могу уснуть... Жутко.... Тяжело дышать... Побуду немного с тобой.

Старик (тревожно). Доктор сказал, что тебе следует лежать.

Дочь. Ничего.... Посижу здесь на диване. (Взбирается на диван, садится в углу.)

Старик. Я принесу одеяло или платок закутать тебя.

Дочь. Не надо, папа, так мне легче... Ты читай себе, как раньше. Я буду сидеть молча, не буду тебе мешать. (Пауза.) В детстве я очень любила глядеть, как ты изучаешь твои фолианты. Я иногда целыми часами просиживала неподвижно на этом месте и следила за тобой, как ты, чуть-чуть раскачиваясь, тихо произносишь странным грустным напевом непонятные слова. Мне тогда казалось, что фолиант тоже живой и мудрый, что вы шепчетесь о чем-то очень важном и сообщаете друг другу тайны, которых никто не должен подслушивать... (Тише, подавленным голосом.) Как давно это было...

Храм – центр национальной и религиозной жизни народа. Символ присутствия Бога среди евреев. Первый храм был построен царем Соломоном (965–930 гг. до н.э.) на восточном холме Иерусалима. В 586 г. до н.э. разрушен вавилонским царем Навуходоносором II, и этот трагический факт ознаменовал начало еврейской диаспоры. Работы по восстановлению Иерусалимского храма завершились в 516 г. до н.э. Второй храм разрушен римлянами (70 н.э.).

Талмуд – см. прим. к стр. 31 («Два Куня-Лемя»).

- Старик** (*поникнув головой*). Давно... (*Пауза*.)
- Дочь.** Тогда мне казалось, что никто не в состоянии понять и не должен знать то, о чем ты шепотом беседуешь с фолиантом... А теперь мне хотелось бы знать, что там написано. О чем ты сейчас читал?
- Старик.** (*растерянно*). Тебе трудно будет понять... (*Заглядывает в фолиант*.) Впрочем, как раз это место, где я остановился, тебе будет понятно. (*Глядя в книгу*.) «И сказал раби Иосаи: «Однажды, будучи в пути, я зашел в один из разрушенных домов Иерусалима, чтобы там помолиться. Когда вышел, я нашел у дверей Илью-пророка, и он спросил меня: «Сын мой, какой глас слышал ты в сем пустынном доме?» И я ответил ему: «Я слышал глас голубиный, рыдающий и говорящий: «Горе мне! Я разрушил свой дом, сжег свой Храм* и обрек своих детей на скитание между чужими народами». И сказал мне Илья: «Клянись жизнью и головой твоей, что не только в сей час, но три раза в день раздастся этот плачущий глас Господа...»
- Дочь** (*поражена*). Неужели все это так и сказано... Бог кается! Бог плачет! Как это неожиданно! Я всегда представляла себе еврейского Бога грозным и непреклонным. И вдруг, оказывается, Ему присущи человеческие чувства, раскаяние, слезы... Господь любит кающихся.
- Старик.** И прощает их?
- Дочь.** В Талмуде* сказано: «Величайшим праведникам недоступны чертоги, уготованные для раскаявшихся грешников».
- Старик.** (*вдруг совершенно иным тоном. Громко и сухо*). Господь прощает! А ты, ты не прощаешь.
- Дочь.** (*растерявшись*). Что ты говоришь?..
- Старик.** Я говорю, что ты не прощаешь. (*С отчаянием*.) Почему ты все время молчишь?
- Дочь.** Что ты, дочь моя, что ты! Успокойся, не волнуйся. Кто молчит? Вот уже месяц, как я вернулась к тебе, больная и надломленная. И ты мне еще ни одного слова не сказал.
- Старик.** Что же я должен был тебе сказать? Что я мог сказать?
- Дочь.** Как? Дочь, единственная дочь, опозорила твои седины, бежала из-под венца с человеком, которого ты к себе на порог не пускал, пропадала без вести целых пять лет. И вдруг неожиданно вернулась домой... И ты не нашел, что сказать ей? (*сухо*). Не нашел...
- Старик.** Ты не выгнал, не проклял меня, не упрекнул. Ты окружил ме-

ня нежным уходом. Но ты поставил между собой и мной немую стену, которую ничем нельзя пробить. Ты отнял у меня всякую надежду на прощение...

Старик

(подавленным голосом). Я тебя простил...

Дочь.

Так не прощают... Так не прощают живых людей... Ты думаешь, я не понимаю, почему ты так осторожно относишься ко мне...

Старик

(вскакивает, кричит). Молчи! Ты ничего не понимаешь. Ни ты не понимаешь, ни я не понимаю, ни доктор не понимает! Понимает лишь Один, Тот, Кто все знает.

Дочь

(притихнув). Да... Мы не понимаем. Поэтому, может быть, мы не умеем прощать... *(С горечью.)* Но почему ты не сделал попытки понять меня?

Старик

(с мольбой). Дочь моя, не будем говорить об этом. Я не могу тебя понять.

Дочь.

Ты можешь, ты должен меня понять. Ты должен понять, что я полюбила этого человека беззаветно, безумно...

Старик.

Беззаветно... Безумно... Знала ты его всего несколько недель, может быть, несколько дней... И был еще человек, которого ты целых восемнадцать лет любила и, казалось, тоже беззаветно, человек, у которого кроме тебя никого в мире не было. Почему же вторая любовь перевесила первую?

Дочь.

Не перевесила... Я продолжала тебя любить, как раньше. Но та любовь была совершенно иная...

Старик

(тихо). Иная... иная... Не понимаю.

Дочь.

Отец! Ведь ты сам был когда-то молод. Неужели ты никогда не любил?

Старик

(печально). Как не любил? Любил. Твою покойную мать я сильно любил. Любил всякого, кто был достоин любви...

Дочь

(в отчаянии). Ах, не то... Не то... *(Иным тоном.)* Отец, ты мне рассказывал, что в молодости учился в ешиботе. Там были сотни юношей. Неужели ни с кем из них не случилось ничего подобного? Чтобы кто-нибудь влюбился в женщину. Понимаешь, влюбился!

Старик.

Влюбился в женщину... Нет. Случались развратники. Но о них не стоит говорить... А о любви мы не слыхали. У нас мысли были заняты совершенно иным...

Дочь

(в сильном волнении). Отец, этого быть не может! Молодость всегда и везде одна! Подумай! Припомни!..

Старик.

Ради Бога, не волнуйся! *(Торопливо.)* Ну я припомнил, при-

помнил... Был такой случай... Но это было нечто совершенно другое.

Дочь

(радостно). Был случай! Был!

Старик.

Когда я был юношей, у нас в синагоге рассказывали историю про ешиботника. Но это совершенно не то, что ты думаешь.

Дочь

(жадно). Расскажи! Расскажи!

Старик.

История эта длинная и очень печальная. Там вмешались сверхъестественные силы. По вашим теперешним понятиям ты, пожалуй, не поверишь, что все это могло случиться. Но я слышал историю от людей, которые собственными глазами все видели.

Дочь.

Расскажи! Я поверю! Я всему поверю!

Старик

(закрывает фолиант, садится против дочери и начинает повествовательным тоном). У Талненского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь Иудейский, жив и вечен».

С первых его слов

занавес начинает медленно опускаться

Д Е Й С Т В И Е I

Низенькая, очень старая деревянная синагога, почерневшие стены с подпорками. С потолка спускаются два старинных медных канделябра. Посреди передней стены – кивот со свитками под завесой, рядом с ним (справа от зрителей) амвон, на котором горит толстая восковая поминальная свеча. У стены длинные скамьи со спинками. Посреди синагоги аллемор*, покрытый темной скатертью. В стене справа, ближе к зрителям, невысокая дверь в отдельную молельню, над дверьми и во всю правую стену несколько небольших оконцев из женского отделения. Вдоль стены длинный деревянный некрашеный стол, заваленный старыми фолиантами. В двух подсвечниках горят сальные огарки. За столом в разных позах сидят **ешиботники** и тихо, тонким напевом, читают Талмуд. Отдельно, у передней стены, неподалеку от амвона, за пюпитром сидит, облокотившись и углубившись в фолиант, **Энех**. В левой стене, ближе к зрителям, большая дверь с улицы, у дверей – рукомойник и грубого полотна полотенце в кольце. За дверьми большая выбеленная печь, длинный простой деревянный стол, на нем тоже фолианты и бутылка с сальным огарком. У стола сидят **1-й, 2-й и 3-й синагогальные завсегдатаи** в позах беседующих, на скамье у печи лежит **Прохожий старик** с туго набитым мешком в головах. За столом шкаф с книгами. Возле него, держа руку за верх шкафа и прислонившись к стене, в задумчивой позе стоит **Хонон**. У раскрытого аллемора сидит на корточках **Меер**, раскладывая молитвенные облачения. В синагоге полумрак, тяжелые тени. На всем печать глубокой грусти. Долгая пауза.

1-й старик

(медленно, мечтательно, тоном легенды). У Талненского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь Иудейский, жив и вечен»... (Пауза.)

2-й старик

(таким же тоном). Святой раби Исроэль Ружинский вел себя истинным монархом. За его столом постоянно играла капел-

Аллемор (букв. возвышенное место) – возвышение в синагоге, на котором стоит стол (или особая скамья) для чтения Торы. Отсюда обычно произносится проповедь раввина.

Зуся Анопольский (?-1800) – известный цадик.

Талненский цадик, раби Давид (1808-1882) принадлежал хасидской династии, известной как Чернобыльские цадики. Поселился в местечке Тальное (Уманский уезд Киевской губ.).

Ружинский цадик (прозвище Исроэля Фридмана; 1797, Погребище, Киевской губ. – 1850, Садагор, ныне часть г. Черновцы), основатель Ружинско-Садагорской хасидской династии.

Аптрский раввин – Авраам Йошуа Хешель Бен Шмуэль (2-я половина XVIII – 1-я четверть XIX в.). Жил в Калбушере (Польша) и Опатове (идиш: Апт), где пользовался большим духовным авторитетом. Покинув город, обещал сделать название города своим именем.

Шмельке Никельсбургский (Шмуэль Горовиц; 1726-1778). Создал хасидскую общину в Рычивуле (ныне Познанское воеводство, Польша), потом переехал в Сеняву (ныне Жешувское воеводство, Польша), а оттуда в Никельсбург (Моравия, ныне Микулов, Чехия), где был главой религиозного суда.

ла из двадцати четырех музыкантов. Выезжал он не иначе, как на шестерке лошадей цугом.

3-й старик

(с умилением). А о раби Шмуэль Каминкере рассказывают, что он ходил в золотых туфельках... в золотых туфельках!..

Прохожий старик (*приподнимается, садится. Тонем протеста*). А святой раби Зуся Анопольский* всю жизнь был нищим, собирал милостыню, ходил в сермяге, опоясанный веревкой, а все-таки творил не меньше чудес, чем Талненский* или Ружинский* цадики, даже, может быть, больше...

1-й старик

(с неудовольствием). Вы, извините, не понимаете, о чем говорят, и вмешиваетесь. Когда рассказывают о величии Талненского или Ружинского, разве имеют в виду их богатства? Мало ли богачей на свете!.. Надо же понимать, что и в золотом троне, и в капелле, и в шестерке лошадей, и в туфельках скрывался глубокий и таинственный смысл.

3-й старик.

Конечно, конечно!

2-й старик.

Кто имел очи – тот видел. Рассказывают: когда великий Аптрский раввин* встретился с Ружинским, он бросился целовать колеса его кареты. И когда его спросили, что это означает, он воскликнул: «Слепцы, вы не видите, что это Небесная Колесница?»

3-й старик

(в восторге). Ай, ай, ай!

1-й старик.

Вся суть в том, что золотой трон не был золотым тронем, лошади не были лошадьми, капелла не была капеллой. Все это была одна видимость, отражение величия. И необходимо это было как материальная оболочка для их великой мощи.

3-й старик.

Их мощь! их мощь! Она не имела границ!

1-й старик.

Шутка ли, их мощь! Вы слышали историю с плеткой святого раби Шмельке Никельсбургского?* Стоит послушать! Однажды бедняк пожаловался ему на первого богача в округе, который был близок к царю и перед которым все падали ниц. Раби Шмельке вызвал их на суд, разобрал дело и признал богача неправым. Богач рассердился и начал кричать, что не подчинится приговору. Тогда раби Шмельке говорит ему спокойно: «Ты подчинишься. Когда раввин велит, нельзя ослушаться». Богач еще больше раскипятился и начал кричать: «Я смеюсь над вами и над вашим судом!» Раби Шмельке поднялся во весь рост и воскликнул: «Сию минуту подчинись моему приговору! Иначе я возьму плетку!» Тут богач совсем разгневался, начал ругать и оскорблять раввина. Тогда раби Шмельке чуть-чуть приоткрыл

ящик стола – и оттуда выскочил Первозданный Змий, окутался вокруг шеи богача и стал его душить. Ну, ну! Можете себе представить, что он запел. Стал кричать, молить раввина, чтобы тот его простил, обещал покорно исполнять все его повеления. И сказал ему раби Шмельке: «Ты и внукам и правнукам закажешь, чтобы они боялись раввинской плетки».

3-й старик. Ха-ха-ха! Хорошая «плетка», нечего сказать! (*Короткая пауза.*)

2-й старик (*1-му старику*). Мне кажется, что вы, раби Волф, ошибаетесь. Дело было, вероятно, не с Первозданным Змием.

3-й старик. Почему? Почему нет?

2-й старик. Очень просто: раби Шмельке не стал бы пользоваться Первозданным Змием. Кто такой Первозданный Змий! – Ведь это оборотная сторона – Ситро Ахро!* (*Отплевывается.*)

3-й старик. Что же из этого? Раби Шмельке, конечно, знал, что он делает!

2-й старик. Я уверен, что даже нет таких священных имен и каббалистических сочетаний, чтобы вызвать Ситро Ахро. (*Отплевывается.*)

1-й старик. Что ты говоришь! Я ведь рассказываю историю, которая случилась. Десятки людей видели это собственными глазами, а ты говоришь: этого не могло быть.

Прохожий старик (*уверенно*). Это могло быть! Действенной Каббалой можно все сделать. Я это хорошо знаю. У нас в местечке был заклинатель, великий чудодей. Он, например, Святым Именем вызывал пожар и сейчас же другим Именем тушил его; он видел, что творится за тысячи верст от него, умел цедить вино из стены, стать невидимкой. Он и разъяснил мне все эти дела. Он говорил, что действенной Каббалой можно воскрешать мертвых, вызывать нечистую силу, даже самое Ситро Ахро. (*Отплевывается.*) Конечно, это очень опасно, но умеючи можно все сделать. Я это слышал из собственных уст заклинателя.

Хонон (*прислушивавшийся внимательно к словам Прохожего старика, делает шаг к столу. Глухим голосом*). Где он теперь?

Прохожий старик (*с удивлением оглядывается в его сторону*). Кто?

Хонон. Заклинатель.

Прохожий старик. Где ему быть? У нас в местечке, если он еще жив.

Хонон. Далеко отсюда?

Прохожий старик. Местечко? Очень далеко. В глубине Полесья.

Ситро Ахро (*арам. другая сторона*) – в Каббале термин, применяемый для обозначения метафизических темных сил, действующих в мире и влияющих на него. Пространство, представляющее собой обратительное отношение Божественного мира.

- Хонон.** Сколько ходьбы?
- Прохожий старик.** Ходьбы? Недели три. Пожалуй, месяц... А ты зачем об этом спрашиваешь? Может быть, хочешь пойти к нему? (*Хонон молчит.*) Местечко называется Красное. Заклинателя зовут раби Элхонон.
- Хонон.** Элхонон? (*Про себя.*) Эль-Хонон... Эль Хонон: Бог Хонона... Странно...
- Прохожий старик.** Стоит его повидать, если он еще жив. Его чудеса прямо удивительны! Он однажды каббалистическими сочетаниями...
- 3-й старик.** Не надо говорить к ночи об этих вещах, да еще в синагоге!
- 2-й старик.** Вообще не следует громко говорить о каббалистических сочетаниях. Можно нечаянно промолвиться словом, сочетанием и наделать бедствия. Бывали случаи! (*Хонон медленно выходит из синагоги.*)
- Прохожий старик** (*глядит ему вслед*). Какой-то странный юноша. Кто он такой?
- 1-й старик.** Ешиботник... Замечательный юноша! Тончайший сосуд!
- 2-й старик.** Гений! Знает почти весь Талмуд наизусть.
- 1-й старик.** Старые раввины обращались к нему за разрешением спорных вопросов.
- Прохожий старик.** Откуда он?
- Меер** (*подходит к столу*). Он откуда-то из Литвы. Учился здесь несколько лет, считался украшением нашего ешибота, получил звание раввина. И вдруг куда-то исчез. Говорили, что он отправился «справлять изгнание». Недавно он вернулся. Странный какой-то стал. Постоянно сидит, задумавшись, постится от субботы до субботы, часто ходит в бассейн окупаться и проводит там иногда целые часы. (*Тише.*) Ешиботники говорят, что он углубился в Каббалу.
- 2-й старик.** Об этом говорят и в городе. Я знаю, что к нему уже приходили просить камней*, но он не дал.
- 3-й старик.** Кто знает, кто он! Может быть, из великих... Кто может знать? А подсматривать – опасно. (*Пауза.*)
- 1-й старик** (*зевает*). А-а, надо лечь спать... (*Улыбается.*) Вот если б сюда явился заклинатель ваш, который умеет цедить вино из стены. А! Я бы теперь ожил от рюмочки! Целый день крошки во рту не имел.
- 2-й старик.** У меня сегодня тоже пост. Только утром гречаный коржик съел.
- Меер.** (*полутаинственно*). Подождите, кажется, скоро будем иметь хорошую выпивку. Будет и водочка, и коржики, и пряники... Сен

Камея – здесь: амулет, наделенный чудодейственной силой

- дер поехал смотреть жениха для дочери. Он и сваты съехались в Климовке. Если состоится обручение – Сендер угостит на славу!
- 1-й старик.** А! Я уже не верю, чтобы он когда-нибудь обручил дочку. Три раза ездил смотреть женихов, и все возвращались ни с чем. То ему жених не нравится, то сваты оказывались недостаточно знатного рода, то не сходился насчет приданого. Нельзя так выбирать!
- Меер.** Сендер может себе позволить быть разборчивым. Слава Богу, не сглазить бы, богат, знатен, дочка – красавица.
- 3-й старик.** Люблю Сендера! Истинный хасид! Из Тартаковских хасидов: с огнем, с порывом!
- 2-й старик.** Хасид-то он хороший, это верно. Но единственную дочь свою он мог бы выдать замуж иначе...
- 3-й старик.** А что? а что?
- 2-й старик.** В былое время богатый и знатный еврей, когда ему был нужен жених для единственной дочери, он не искал ни богатства, ни знатности, а отправлялся в какой-нибудь прославленный ешибот, подносил главе ешибота хороший подарок и выбирал себе в зятя самого лучшего, самого способного ешиботника... Сендер мог бы тоже взять для дочери жениха из ешибота.
- 1-й старик.** Ему и не надо было далеко ехать для этого. Что, Хонон не был бы подходящим женихом для его дочери?
- 2-й старик.** Да все и считали, что он возьмет его в зятя. Держал его год у себя в доме, кормил, поил... Домашние относились к нему, как к родному.
- 1-й старик** (*улыбнувшись*). Однажды зашел я к Сендеру. Хонон по обыкновению сидел у себя в особой комнате и читал нараспев Талмуд, а в соседней комнате дочь Сендера, Лия, сидит, не двигаясь, затихшая, как зачарованная, и слушает. Я не удержался и говорю ей: «Что, Лиеле, хотела бы иметь жениха, который бы так сладко, так проникновенно учил Тору». Она вся покраснела, потупилась и стыдливо прошептала: «Да». Хе-хе-хе.
- 2-й старик.** А Сендер, когда ему предложили жениха с десятью тысячами червонцев приданого, поехал сговариваться со сватами. Тартаковский хасид не должен бы так поступать.
- 3-й старик.** Ну, ну! Не надо осуждать, не надо. Не состоялось – значит не суждено было. Сказано: «Сорок дней перед рождением ребенка глас небесный вызывает: «Дочь такого-то предназначена для сына такого-то».

Вбегает Пожилая еврейка, таща за руки двух детей.

Кивот (также: орн койдеш; ивр. арон кодеш) – Святой ковчег или Ковчег завета. Особый шкаф в синагоге для хранения Свитков Торы.

Еврейка

(*кричит с плачем*). А-ай! Создатель! Помоги и мне!! (*Устремляется к кивоту**.) Ай, деточки, деточки! Мы раскроем кивот, мы припадем к священным Свиткам. Мы не уйдем отсюда, пока не вымолим исцеления для вашей матери. (*Отдернув завесу, раскрывает кивот и припадает головой к Свиткам. Рыдающим молитвенным речитативом.*) Бог Авраама, Исаака и Иакова! Воззри на мое великое горе-е! Сжался над моей единственной дочерью! Воззри на горе ее бедных деточек! Священные Свитки Торы! Идите, предстательствуйте перед Господом Богом за мою доченьку! Святые патриархи, святые праматери, бегите, спешите к Господнему Престолу, просите, молитесь, чтобы молодое деревцо не было вырвано с корнем, чтобы тихая овечка не была изгнана из стада, чтобы нежная голубка не была выброшена из гнезда!.. Я не уйду отсюда! Я лягу у подножия кивота! Я разбужу все святые души! Я нарушу покой всех миров, пока мне не возвратят мою красу и гордость!! (*Дети плачут.*)

Меер

(*подходит, осторожно трогает еврейку за руку*). Еврейка, не посадить ли десять человек читать Псалмы?

Еврейка.

Ой, читайте, читайте! Только скорее, скорее! Каждый час дорог! Она тает как свеча! Уже два дня, как лежит без языка и борется со смертью!

Меер

(*торопливо*). Сию минуту! Соберу десять человек, и сядем читать... (*Заискиваяюще.*) Но ведь им надо что-нибудь дать... бедняки...

Еврейка.

Как же! (*Дает ему монету*.) Вот вам золотый. Больше у меня нет.

Меер.

Маловато... По три гроша на человека...

Еврейка

(*не слушая его*). Пойдемте, дети, в другие синагоги! (*Уходят.*)

Меер

(*возвращается к столу*). Вот и послал нам Господь золотый. Почитаем Псалмы, выпьем по капельке, пожелаем болящей исцеления – и она, даст Бог, выздоровеет.

1-й старик.

Пойдемте читать в молельню. (*Громко, ешиботникам.*) Юноши, кто будет читать Псалмы? По коржику получите!

Подходят несколько ешиботников. Старики, Прохожий, ешиботники уходят в молельню. Скоро оттуда начинается громкое пение «Блажен муж» и т. д.

Входит Хонон.

Хонон

(идет медленно, устало, еле держась на ногах. Идет наугад, не думая куда. На некотором расстоянии замечает раскрытый кивот, останавливается пораженный). Кивот раскрыт?.. Кто отдернул полог?.. Кто раскрыл кивот?.. Для кого он раскрылся в час ночной?.. *(Подходит ближе.)* Свитки... Стоят, как живые, прижавшись друг к другу, спокойные, безмолвные... А в них-то сокрыты все тайны, все тайны от сотворения миров до их исчезновения, до окончания веков! Все тайны, все намеки, все Священные Имена, все сочетания! А как трудно от них добиться указания... как трудно! *(Считает.)* Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять Свитков. Слово «Истина» по малому буквенному счислению*. А в каждом из Свитков по четыре «Древа жизни»...* Опять тридцать шесть!.. Не проходит дня, чтобы я не столкнулся с этим числом, а что оно означает – не знаю. Но я чувствую, что в этом числе лежит все... Тридцать шесть по буквенному счислению имя Лии. Три раза тридцать шесть – Хонон. Тридцать шесть произносится «Лой». Лой означает «ему». Кому?.. А Лия? *(Вздрагивает.)* Опять эта мысль Лона. Не Бог, не через Бога... Какая страшная мысль – и как она меня влечет!..

Энех

(поднимает голову и долго внимательно смотрит на Хонона). Хонон, ты ходишь, как во сне.

Хонон

(оглядывается, замечает Энеха. Механически направляется к нему. Садится. Про себя). Намеки, намеки без конца, а прямого пути не видно...

Энех.

Что ты говоришь?

Хонон

(удивленно). Я? Ничего. Я думал... *(Пауза.)*

Энех

(качает головой). Ты слишком увлекся Каббалой. С тех пор, как ты вернулся, ты книги не раскрыл.

Хонон

(силится понять). Книги не раскрыл? Какой книги?

Энех.

Как – какой? Талмуд, Постановлений. Что ты спрашиваешь?

Хонон.

Талмуд?.. Постановлений?.. Кажется, не раскрыл... Кажется... Талмуд холоден и сух. Постановления холодны и сухи... *(Как бы очнувшись. Говорит сперва медленно и задумчиво, затем все более оживляется.)* Под землей находится точно такой же мир, как и над землей. Там имеются глубокие моря и бездонные пропасти, большие и грозные пустыни, гус-

Еврейские буквы имеют численное значение *(прим. С.Ан-ского).*

Древо жизни – шест, на который накручивается Свиток Торы. В каждом Свитке их два – в начале и в конце.

Каббала (букв. получение, предание) – эзотерическое еврейское учение с выраженными элементами мистики и магии. Наряду с Каббалой как учением существует понятие практической Каббалы, представляющей собой род магии, целью которой является воздействие на высшие миры с помощью сосредоточенного созерцания тайного смысла имен Бога, особых молитв, словесных и буквенных формул и амулетов.

Пардес – небесный сад (прим. С.Ан-ского).

Бен-Азай – выдающийся законоучитель 1-й трети II в. Полное его имя – Шимон Бен-Азай. По преданию, Бен Азай, Бен-Зома, Ахойр и раби Акива вошли в Пардес (Сад познания – эзотерической мудрости). Легенда говорит о нем: «Он узрел тайны сада и умер, и к нему применимы слова Писания: Дорога в очах Господних смерть праведника».

Бен-Зоймо, Бен-Зома – законоучитель начала II в., полное имя – Шимон Бен Зома. Он увидел, по преданию, тайны Сада и был поражен после этого безумием.

Ахойр – мудрец, прославившийся еретиком и отступником. Жил в эпоху таннаев второго и треть-

тые непроходимые леса. И по морям там носятся огромные корабли и поднимаются страшные волны. По пустыням проносятся сильные ветры и ураганы. А в дремучих лесах царит грозное величие. Только одного там нет. Нет высокого неба, не видно ни яркого солнца, ни ослепительных молний, не слышно громов. Таков Талмуд. Он велик, он грозен, он беспределен. Но он приковывает к земле, не дает подниматься ввысь! А Каббала*! А Каббала! Она раскрывает пред глазами все врата небес! Она яркими молниями освещает тысячи миров! Она великими порывами устремляет душу к бесконечному! Она ведет в чертоги Высших Тайн, доводит до Пардеса*, приподнимает Великий Полог!.. (Откидывается обессиленный.) Тяжело говорить. Сердце замирает.

Энех

(очень сосредоточенно). Все верно, но ты забываешь, что ввысь надо подниматься медленно и осторожно. И чем выше ты взлетишь одними порывами, тем труднее удержаться там, тем страшнее может быть падение в пропасть. Талмуд поднимает душу к бесконечному медленно, без порывов, но он защищает человека. Он плотно обхватывает его, как стальным панцирем, и не дает уклониться от прямого пути ни вправо, ни влево. Он бдит над человеком, как верный страж, который не спит и не дремлет... А Каббала? Ты помнишь, что сказано в Талмуде о тех, которые дерзнули приподнять Великий Полог? (Талмудическим напевом.) Четверо вошли в Пардес: Бен Азай*, Бен Зоймо*, Ахойр* и раби Акива... * Бен Азай заглянул и был сражен; Бен Зоймо заглянул и был задет в рассудке; Ахойр подрубил Насаждения*, отрекся от Бога, и только раби Акива вошел с миром и вышел с миром.

Хонон.

Не пугай меня ими. Мы не знаем, каким путем и зачем они шли в Пардес. Может быть, они были задеты только потому, что шли смотреть, а не исправлять. Ведь вот последующие великаны, от святого Арии*, от святого Бешта*, шли и не были задеты.

Энех.

Ты сравниваешь себя с ними?

Хонон.

Я не сравниваю, я иду своим путем.

Энех.

Каким?

Хонон.

Ты меня не поймешь...

Энех.

Я тебя пойму. В моей душе тоже живет стремление к высшим ступеням.

его поколения. Вместе с Бен-Азаем, Бен-Зотой и раби Акивой вошел в Пардес, причем проник гораздо далее, чем было положено, и стал подрубить «насаждения».

к стр. 336

Раби Акива (ок. 50–135, Эрец-Исраэль) – систематизатор Галахи, выдающийся законоучитель, один из основоположников раввинистического иудаизма.

к стр. 336

Насаждения Пардеса – соответствуют понятию «кнессет Исраэль» (сообщество душ еврейского народа). Одна из трактовок выражения «подрубить Насаждения Пардеса»: искажая смысл Торы и уводя, таким образом, евреев от истинного пути, – препятствовать осуществлению миссии Израиля.

к стр. 336

Ари – под этим именем известен раби Исаак бен-Соломон Ашкинази Лурья (1536, Иерусалим – 1572, Сафед (Цфат) отец новейшей Каббалы. По преданию, стал ясновидящим и вел беседы с пророком Ильей, который посвятил его в тайны мира. Его изложения каббалистической системы было собрано его учениками. Самое известное и значительное из них «Древо жизни».

Хонон

(*после некоторого колебания*). Деяния цадииков, великанов поколений, заключаются в том, что они исправляют души, срывают цепи греха и поднимают их к светлому первоисточнику. Эта борьба очень тяжелая. Ибо «грех лежит у дверей». Одержана победа над одним грешником – является другой человек с новыми грехами; одержана победа над одним поколением – и его сменяет другое, опять греховное. И приходится начинать все сначала. А поколения становятся мельче, а грехи становятся сильнее, а цадики слабее.

Энех.

Что же, по твоему, делать?

Хонон

(*тихо, но очень определенно*). Надо не бороться с грехом, а исправлять его. Как золотоделатель очищает огнем золото от шлака, как земледелец отделяет полновесное зерно от пустого, так надо очистить грех от его скверны и оставить в нем только искру святости.

Энех

(*удивленно*). Искру святости в грехах?

Хонон.

Да. Нет такого греха, в котором бы не было искры святости. То, что создано Богом, не может не иметь в себе святого начала.

Энех.

Что ты говоришь! Грех создан не Богом, а сатаной.

Хонон

(*спокойно*). А сатану кто создал? Тоже Бог! Значит, и в сатане есть святость.

Энех

(*испуганно*). В сатане?.. В Ситро Ахро? Святость?!

Хонон.

Ситро Ахро есть оборотная сторона божества. И раз оно – сторона божества, в нем должна быть святость.

Энех

(*потрясенный*). Я не могу! Дай мне сообразить! (*Закрывает лицо руками, наклоняется к пюпитру и опирается об него головой. Остается все время в такой позе.*)

Хонон

(*трепетно*). Какой грех всего страшнее для человека и всего больше влечет его? Какой грех всего труднее победить? Грех стремления к женщине? Да?

Энех

(*не поднимая головы*). Да!

Хонон

(*с трепетной радостью*). А если это греховное стремление очищать в огне до тех пор, пока в нем останется одна лишь искра Божества, тогда величайшая скверна превратится в высшую святость, в песню песней, в «Песню песней»*. (*Выпрямляется, закрывает глаза и, откинув немного набок голову, тихо, восторженно поет.*) «Ты прекрасна, подруга моя, ты прекрасна. Глаза твои голубиные выглядывают из-под кудрей твоих; волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаад-

к стр. 336

Бешт – так сокращенно называли Баал Шем Това – Израэля Бен Элиэзера (около 1700, Окуп? – 1760, Меджибож), – основоположника и вдохновителя хасидизма в Восточной Европе. Получил известность как чудотворец и каббалист-целитель.

к стр. 337

Песнь песней – библейская книга, следует в еврейском тексте Библии за книгой Иова и представляет собой, согласно различным толкованиям, собрание любовной лирики, драматическое произведение, или же аллегорическую поэму о духовных связях Бога с народом Израиля. Традиция приписывает ее авторство царю Соломону.

ской. Зубы твои, как стадо выстриженных овец, вышедших из умывальни, из которых у каждой пара ягнят, а бесплодной меж ними нет»...

Слабый стук. Дверь тихо открывается, входят нерешительно Лия, ведя за руку Фраду и Гитель, останавливаются у дверей. Из моельни выходит Меер.

Меер (узнает пришедших. Удивлен. Подобострастно). Смотри!.. Дочь раби Сендера?.. Лия?

Лия (смущенно). Помните, вы обещали показать мне старые-старые завесы кивота?

При первых словах Лии Хонон обрывает пение и широко раскрытыми глазами глядит на нее. Затем все время он то глядит на нее с молитвенным восторгом, то стоит с закрытыми глазами.

Фрада (Мееру). Покажи ей старые завесы, покажи! Лиеле дала обет к поминальному дню по матери вышить завесу для кивота. Вышьет она чистым золотом по нежному бархату святую завесу, как в старину вышивали, со львами, с орлами. Повесят над кивотом – и будет радоваться сердце матери в раю...

Лия нерешительно оглядывает синагогу. Увидав Хонона, опускает глаза, отступает на шаг, остается все время с опущенными глазами, в трепетном напряжении.

Меер (предупредительно). Как же! Как же! Сейчас принесу из шкафа все самые старые, самые дорогие завесы. (Отходит к шкафу.)

Гитель (хватает Лию за руку). Лиенка! Тебе не страшно ночью в синагоге?

Лия. Я никогда не была здесь ночью. Да и днем была всего один раз. Ведь девушки не ходят в синагогу... Как здесь печально, как печально...

Фрада. Деточки мои, в синагоге не может быть иначе. В полночь приходят покойники молиться и оставляют здесь свою печаль...

Гитель. Бабушка, не рассказывайте о покойниках, мне страшно...

Фрада (не слушая ее). А когда на заре Господь плачет над разрушенным Храмом, Его слезы падают в синагоги. Поэтому в старых синагогах стены заплаканные. И их нельзя белить. Если их белить, они сердятся и кидают камнями...

Лия. Какая она старенькая-старенькая. Снаружи я не замечала этого...

- Фрада.** Старенькая, очень старенькая. Никто, никто не помнит и не знает, когда ее строили. Говорят даже, что она была найдена под землей выстроенной... Сколько было пожаров, сколько раз весь город выгорал дотла – а она оставалась целой. Однажды только загорелась в ней крыша. И прилетели голуби, целая стая голубей, стали кружиться над крышей, махать крылышками – и потушили огонь. *(К Гитель.)* А обгороженный холмик возле синагоги ты видела? Это святая могилка. *(вздыхнув).* Могилка жениха и невесты...
- Лия Фрада** *(жалостливо).* Когда их венчали, Хамелюк напал и убил их под венцом. На том месте их и похоронили. И теперь, когда раввин венчает жениха и невесту возле синагоги, он слышит из могилки стоны... А после свадебного пира все идут туда и пляшут вокруг могилки, увеселяют жениха и невесту, которые там похоронены.
- Лия** *(не слушая ее. Как бы про себя).* Как здесь печально и как хорошо. Я не ушла бы из этой старенькой и бедненькой синагоги... Мне хотелось бы нежно ласкать ее, прижаться к ней, спросить ее, отчего она такая печальная и задумчивая, такая заплаканная и безмолвная... Хотелось бы... сама не знаю чего, но во мне сердце разрывается от жалости и нежной печали...
- Фрада** *(умильно).* Когда ты так говоришь, Лиеле, мне кажется, что слышу голос твоей бабушки, праведницы Рохеле.
- Меер** *(приносит завесы, развешивает).* Вот самая старая. Ей более двухсот лет. Мы навешиваем ее только в Пасху.
- Гитель** *(в восторге).* Какая красота! Посмотри, Лиеле! Густым золотом вышито по плотному малиновому бархату. Два дерева, на них сидят голуби, а внизу два льва держат Щит Давидов. Теперь ни такого золота, ни такого бархата не найти...
- Лия.** Какая она нежная и тоже печальная... *(Целует завесу и ласково гладит ее.)*
- Меер** *(развернув другую завесу).* И вот жемчужная завеса. Наверху цветочки из алмазов. А все слова Богословения вышиты чистым жемчугом. Это мы навешиваем в Судный день. *(Лия и Гитель рассматривают завесы.)*
- Фрада** *(Мееру, указывая головой на Лию, негромко).* Золотое дитя! Чистая голубка! А Бог наказал ее, послал на нее хворь. Похудела вся, ослабела, по ночам плачет. Я и посоветовала ей вышить завесу для кивота. Это помогает... *(Тише.)* Говорят, Хонке вернулся?

- Меер.** Да, уже несколько недель. Он здесь. Хотите, я его позову?
- Фрада.** Нет. Если он сам не приходит к нам, значит, не надо... Ну как он?
- Меер.** Изменился сильно. Стал задумчив. Углубился в Каббалу...
- Фрада.** Углубился?.. *(Вынимает из кармана горсть бобов.)* На, дай ему горстку бобов, пусть полакомится.
- Меер.** Он не ест. Пост от субботы до субботы.
- Фрада.** От субботы до субботы?.. Хоть бы его посты помогли Лиеле, чтобы она выздоровела.
- Гитель.** *(заметив Хонона, хватает Лию за руку, шепотом).* Лиеле, погляди! У амвона стоит юноша и глядит на тебя. Как странно он на тебя глядит!
- Лия.** *(не поднимая глаз).* Это ешиботник... Хонон... Он у нас получал стол... И жил у нас... Его долго не было здесь...
- Гитель.** Какими блестящими глазами он на тебя глядит.
- Лия.** Он всегда глядит на меня блестящими глазами. У него такие глаза... И когда он говорил со мной, у него захватывало дыхание... И у меня тоже... Ведь грех, когда чужие юноши и девушки разговаривают друг с другом...
- Гитель.** Он точно зовет тебя глазами... Ему, верно, хотелось бы подойти к тебе, но непристойно.
- Лия.** Я хотела бы знать, отчего он так бледен... Он, верно, был болен.
- Фрада.** Меер, дай-ка нам поцеловать священные Свитки. Как же это, быть у Бога в гостях и не поцеловать Его Торы.
- Меер.** Пойдемте. *(Идет вперед. Гитель ведет Фраду, за ними Лия. Меер раскрывает кивот, вынимает Свитки, подставляет Фраде и Гитель для поцелуя.)*
- Лия.** *(поравнявшись с Хононом, останавливается и, чуть подняв голову, глядит на него и снова опускает глаза).* Добрый вечер, Хонон... Вы опять приехали?
- Хонон.** *(шепотом).* Да...
- Лия.** Вы теперь к нам не приходите...
- Хонон.** *(еле выговаривая слова).* Я не могу приходиться...
- Лия.** Ваша комната не занята. И все книги остались на местах, как раньше.
- Хонон.** Знаю. *(Хочет что-то сказать, но не может.)*
- Лия.** Только теперь у нас в доме тихо... Никто не читает Талмуд, никто так не поет молитв, как вы... Стало тихо...
- Хонон.** Я больше не читаю Талмуд... и не пою...
- Фрада.** Лиеле, иди сюда, поцелуй Свитки! *(Лия подходит и, вся дрожа,*

припадает к Свиткам долгим страстным поцелуем. Фрада тревожно.) Ну, довольно, доченька, довольно. Тору нельзя много целовать. Она огненная. Она писана черным огнем по белому огню... (Начинает вдруг тревожно торопиться.) Пойдемте, деточки, домой, пойдемте домой! Ай, как поздно! Ай, как поздно! (Уходят поспешно.)

Розиэль (Разиэль, Разиил; букв. тайны Бога) – ангел магии, научивший людей астрологии, гаданию, употреблению амулетов.

Третий Чертог – Чертог красоты. Красота, точнее, «великолепие, основанное на гармонии», (*ивр.* тиферет), идентифицируется в еврейской мистике с числом 3, поскольку восходит к проявлению свойств третьей из семи сфирот, связанных с эмоциональным состоянием личности. (Из десяти сфирот, составляющих структуру мира, три находятся во взаимосвязи с интеллектуальным, семь – с эмоциональным строем.)

Запрос – мудрецами разработаны различные формы «запросов», начиная от словесной просьбы и заканчивая сложными ритуалами, основанными на знании системы связи и функционирования высших структур, а также «правил этикета» в общении с Богом.

Меер, закрыв амвон, убирает занавесы и выходит. Хонон сидит неподвижно, с закрытыми глазами. Долгая пауза. Хонон продолжает петь «Песню песней» с того места, где остановился: «Как лента алая губы твои и уста твои прекрасны. Как пласт гранатового яблока виски твои под кудрями твоими...»

Энех (поднимает голову, слушает). Что ты поешь?

Хонон умолкает, открывает глаза, глядит неподвижно, ничего не видя.

Хонон У тебя мокрые волосы? Ты вечером опять окунался?
(машинально). Да.

Энех. При окунании ты все время справляешь проникновение, совершаешь сочетания, произносишь Имена? По Книге Ангела Розиэля?*

Хонон. Да.

Энех. И тебе не страшно?

Хонон. Нет.

Энех. И ты постишься от субботы до субботы? Тебе это не трудно?
Хонон. Мне труднее в субботу есть, чем в будни постить. Я потерял охоту к еде. (Пауза.)

Энех. Зачем ты все это делаешь, чего ты хочешь добиться?

Хонон (не сразу, точно отвечая себе). Хочу... Хочу добыть яркий алмаз, растопить его, превратить в светлые слезы и впитать в свою душу. Хочу привлечь к себе лучи из «Третьего Чертога*», из Чертога Красоты. (Не может больше говорить от волнения. Вдруг очень беспокойно.) Да! Еще одно! Хочу иметь два бочонка золотых червонцев... (Шепотом.) Для человека, душу которого можно привлечь только червонцами, золотыми червонцами...

Энех. Вот что! (Качает головой.) Берегись, Хонон, таких вещей прямым путем не достигнешь...

Хонон (восторженно). Я уже многого добился. Три раза! (Шепотом.) Слушай, я тебе открою: вчера я сотворил во сне «Запрос»* – и во сне же получил ответ. Я теперь знаю, что делать.

- Мне только надо отгадать тайну одного слова, имеющего численное значение тридцать шесть.
- Энех.** Берегись, Хонон. Враг силен. *(Встает.)* Скоро полночь. Пойду в большую синагогу справлять полуночное бдение. *(Уходит. Приходит Меер. Из молельни выходит 1-й старик.)*
- 1-й старик** *(Мееру)*. Прочли восемнадцать Псалмов, и довольно. Не весь же Псалтырь прочесть за золотый. Но толкуй с ними. Они любят Псалмы петь.
- Входит Хаим.*
- Хаим** *(возбужденно)*. Только что видел Боруха, портного. Он вернулся из Климовки, куда Сендер ездил смотреть жениха. Говорит, что все расстроилось. Сендер требовал кроме приданого еще десять лет стола для молодых, а сват давал только пять, и разошлись. *(Уходит в молельню.)*
- Меер.** Уже четвертый раз! Какая досада!
- Хонон** *(выпрямляясь. С восторженной радостью)*. Я снова добился своего! *(Падает на скамью в изнеможении, остается с застывшим выражением торжества на лице. Из молельни выходят старики, ешиботники.)*
- Старики** *(друг другу)*. Пошли, Господь, болящей исцеления.
- 2-й старик.** Теперь следовало бы выпить и закусить.
- Меер.** Я уже приготовил и водку, и коржиков. *(Вынимает из бокового кармана бутылку и ромочку.)* Пойдемте в притвор, там и выпьем.
- Шумно раскрывается дверь. Входит Сендер и несколько евреев.*
- Сендер** *(останавливается, весело оглядывается. Громко)*. Вот тебе раз! Думал, они сидят за священными книгами или спят, а они совсем собираются устраивать выпивку! Поистине Тартаковские хасиды. Ха-ха-ха!
- Все** *(устремляются ему навстречу. Радостно)*. А-а, раби Сендер! Вот от неожиданного гостя! Выпейте с нами!
- Сендер.** Дурни, сам поставлю угощение. Поздравьте меня. В добрый час обручил дочку.
- Хонон выпрямляется. Глядит, пораженный, на Сендера.*
- Все** *(радостно)*. Поздравляем, поздравляем!

- Меер.** А нам только что сказали, что все расстроилось и вы едете ни с чем обратно. Мы были страшно огорчены.
- Сендер.** Сперва таки, было, разошлись. Из-за стола для молодых. А в последнюю минуту сват поддался, и мы совершили помолвку, в добрый час.
- Хонон** (*задыхаясь, шепотом*). Помолвку? Помолвку?.. Значит, все было напрасно... Не помогли ни посты, ни проникновения, ни окунания, ни сочетания. А?.. (*Восторженно.*) Теперь мне все ясно! Все! Теперь знаю, что означает число тридцать шесть! Что означает имя Лия – Ло-ла. Не Бог, не через Бога. (*Задыхаясь от восторга.*) Победа!.. Я... (*Слабый крик, падает на пол.*)
- Сендер** (*указывает на бутылку в руке Меера*). Что это у вас за выпивка? (*Хаиму.*) Хаим, сбегай ко мне, скажи, что я велел дать бутылку хорошего спирта, пряников, редьку в меду, и притащи сюда. Живо. (*Хаим выбегает.*)
- 1-й старик** (*Мееру шепотом*). Спрячь пока эту бутылочку. Пригодится на завтра. (*Меер прячет бутылку за пазуху.*)
- Сендер.** Мерка, отчего так темно? Ты бы свечи зажег! Веселее стало бы. (*Меер зажигает.*) Пока принесут угощение, расскажите что-нибудь о нашем цадике, о раби Шлоймеле. Кто знает что-нибудь новое из его деяний? Может быть, изречение его, притчу. Каждое его слово – жемчуг! (*Садятся у стола.*)
- Прохожий старик.** Если хотите, я расскажу одну его притчу. Пришел однажды к нему богач. Раби Шлоймеле взглянул на него своими святыми глазами и сейчас отгадал, что тот скуп. Вот он взял его за руку, подвел к окну и спрашивает: «Что ты видишь?» Богач посмотрел в окно на улицу и говорит: «Я вижу людей». Затем раби Шлоймеле подвел его к зеркалу и спрашивает: «А теперь что видишь?» Богач ответил: «Теперь я вижу себя». Тогда раби Шлоймеле ему и говорит: «Понимаешь ли: и то стекло, и это стекло. Но это немного посеребрено, и уже перестаешь видеть людей, и начинаешь видеть одного себя».
- 3-й старик.** А! А! А! Слаще меда!
- 2-й старик.** Божественные слова! (*Пауза.*) Спеть бы что-нибудь! Мендель, ведь ты знаешь песни раби Лейви-Иццока Бердичевера?* Ну-ка, спой что-нибудь!
- Сендер.** А ну-ка, ну!
- 3-й старик.** Что же спеть? Разве его «Ты»? (*Поет.*)

Лейви-Ицхок из Бердичева (?). Замостье – 1809, Бердичев) – один из вождей вольнских хасидов. С конца 1780-х гг. окончательно поселился в Бердичеве.

Создатель Вселенной
 Я Тебе сыграю «Ты».
 Где Тебя нахожу?
 И где Тебя не нахожу?
 Куда ни взглянешь – только Ты!
 И нет предмета без Тебя.
 Все – Ты, лишь Ты, един – Ты!
 Ты – Ты – Ты, Ты!

Коль хорошо – значит Ты,
 А если нет – все же Ты!
 Но если Ты – то хорошо.
 Все – Ты, лишь – Ты, един – Ты.
 Ты, Ты, Ты, Ты!

Север – Ты, Запад – Ты!
 Юго-восток – снова Ты!
 В высях Ты, Ты в низах!
 Все – Ты, лишь – Ты, един – Ты!
 Ты, Ты, Ты, Ты!

2-й старик.
Сендер.

Святая песнь! Святая!
 А теперь поплясать! Что? Сендер выдает замуж единственную дочку, и не поплясать? Какие мы были бы Тартаковские хасиды!

Старики и Сендер делают круг. Кладут друг другу руки на плечи. Закинув головы на бок, закатив глаза, начинают медленно кружиться, напевая однообразный, печальный, мистический напев. Входит Хаим, расстроенный, взволнованный.

Меер
Хаим

(подходит к Хаиму). Ну? Где же водка и закуска?
 (шепотом). Какая тебе водка и закуска! Там не до того! Дочь Сендера лежит в обмороке, и не могут ее привести в чувство... Мне велели сказать Сендеру, чтобы он шел домой.

Меер.

Ну, ну! Нечего тебе к нему лезть! Он этого не любит. Еще пару пощечин получишь! Сам скоро пойдет домой.

Сендер.

(выйдя из круга). Ну, а теперь веселую! Эй! Юноши! Где вы? Куда запропастились?

Подходят ешиботники, Хаим.

3-й старик. Где еще? Где Энех? Где Хонон? Тащите и их!
Сендер (смущенно). А! Хонон! Ведь мой Хононке здесь! Где он? Где он? Разыщите его! Достанется ему от меня!..
Меер (увидев издали Хонона). Он спит на полу.
Сендер. Разбудите его, разбойника! Разбудите!

Несколько человек подходят к Хонону.

Меер (испуганно). Он не просыпается!

Все подходят, суетятся вокруг него.

1-й старик (вскакивает). Он умер!
Прохожий старик (поднимая с пола книжку, в ужасе). У него в руке была Книга Ангела Розиэля. Он сражен... сражен!..

Занавес

Д Е Й С Т В И Е П

Площадь в Бринице. Слева – высокая деревянная синагога, старая, почерневшая, с целой системой крыши, одна над другой, с дверьми в виде ворот в некотором углублении. Перед ней, у правого ее края, небольшой огороженный холмик со стоящей надгробной плитой с надписью по древнееврейски. За синагогой переулочек, дальше ряд домиков, переходящих в декорацию.

Справа – большой деревянный, старинной архитектуры, дом реб Сендера. За ним – широкие ворота во двор, переулочек, Брама, ряд лавок под каменным сводом, тоже переходящих в декорацию. На декорации корчма с высоким помелом, за ней парк и большой дворец помещика.

Широкая дорога, спускающаяся к реке. На противоположном обрывистом берегу, en face, еврейское кладбище с множеством стоящих каменных плит разной величины. С левой стороны на декорации через реку перекинута широкая гать. Стоит ветряная мельница. За ней, ближе к сцене, баня с колодезем и журавлем. На фоне – густой сосновый лес.

Ворота у дома Сендера широко раскрыты. Во дворе расставлены длинные столы, уходящие в глубь двора и двигающиеся из ворот на площадь. Столы накрыты, и за ними на длинных скамьях тесно сидят нищие, калеки, старики, старухи, дети и жадно едят. Из дома слуги на больших подносах, которые держат высоко над головой, разносят хлеба и яства.

*Перед домом, у крыльца, ближе к рампе, – стол, уставленный бутылками с винами, различным печеньем. За столом сервировщик **Алтер**, без сюртука, с засученными рукавами, расставляет на подносах вина и печенья. Дальше сидят на земле **кухарка** и **помощница**. Первая скубет индюка, вторая толчет что-то в ступке.*

У лавок сидят на скамейках лавочницы, вяжут чулки, следят глазами за происходящим у дома Сендера. Через сцену проходят женщины с корзинами, мастеровые, водонос

с ведрами на коромысле; евреи с мешочками молитвенного облачения под мышкой выходят из синагоги, направляются к домам и лавкам. Со двора Сендера доносится музыка, обычный танец, слышен шум, неясные возгласы. Большое оживление. Полдень.

*На площади перед синагогой стоит приезжий **Гость**, пожилой еврей в длинном атласном сюртуке, опоясанный черным атласным поясом, в меховой шапке, белых чулках и туфлях. Рядом с ним **1-й** и **2-й старики**, синагогальные завсегдатаи.*

Гость (заложив руки за пояс, оглядывает синагогу). Хорошая у вас синагога, большая, красивая. Дух Божий почит на ней. Видно, очень старая.

1-й старик. Очень старая. Старики говорят, что их деды не помнили, когда ее строили.

Гость (заметив могилу). А это что? (Подходит, читает надпись.) «Здесь похоронены святые, невинноубиенные жених и невеста, смертью своей прославившие Господа».

1-й старик. Это давняя могилка. Когда Хамелюк, храни нас Господь, напал на местечко и вырезал многих евреев, он убил жениха и невесту, которых как раз в это время вели к венцу. Обоих и похоронили, как святых, на том же месте, где венчали, в одной могиле. Мы называем ее «святой могилкой».

2-й старик (полутаинственно). И теперь, когда раввин венчает молодых, он иногда слышит из могилки стоны. И у нас с давних пор установился обычай, что после венчания все пляшут вокруг могилки, увеселяют похороненных тут жениха и невесту.

Гость. Хороший обычай.

*Со двора Сендера выходит **Меер** и подходит к беседующим.*

Меер (возбужденно). Ну и пир! Ну и пир! Во всю свою жизнь я такого пира для бедных не видал.

Гость. Неудивительно! Сендер выдает единственную дочь. (Медленно отходит. Остнавливается то у одного, то у другого дома, осматривая их.)

Меер. По целому куску рыбы на человека, по тарелке жаркого. Затем еще сладкое. А перед обедом давали каждому мужчине по рюмке водки и всем по куску пряника.

1-й старик. Сендер знает, что делает. Если званному гостю не угодить – беда не велика. Самое большее, что обидится и будет дуться. А если нищий останется недовольным – можно большую беду нажать.

2-й старик.

В том-то и дело, что с нищим не знаешь, с кем имеешь дело. Обыкновенного еврея сразу узнаешь, кто он: раввин, арендатор, купец. А у нищего иди-ка, отгадай, кто там скрывается под лохмотьями. Может быть, обыкновенный нищий, а может быть, кто-нибудь из великих, какой-нибудь цадик, раньше, чем он открылся миру, праведник, справляющий «изгнание» или же один из тех тридцати шести «сокрытых праведников», без которых рухнул бы мир.

1-й старик.

А то и сам Илья-пророк!

2-й старик.

Сокрытые праведники* [Ведь он] всегда являются [является] в облике нищих [нищего] или мужиков [лирника]. Бешт, блаженной памяти, встречался с ними [Ильей-пророком] почти всегда на свадьбах и находил их [его] в компании нищих. Рассказывают, однажды Бешт пришел на свадьбу, но был очень расстроен и кого-то искал среди гостей. Потом он закурил трубку и стал петь. И вот из компании нищих, прибывших на пир, вышел один в сермяге, с толстой палкой в руке, подошел к Бешту, хлопнул его по плечу, рассмеялся и говорит по-хохлацки: «Гарно спиваешь, за те и поспиваешь». И исчез. Никто ничего не понял. И только через много лет Бешт открыл своим ученикам, что это был сам святой Ари, блаженной памяти [Илья-пророк], и пришел известить Бешта, что своим пением он успел отстранить грозное бедствие, которое должно было обрушиться на евреев...

2-й старик

(*вздыхает*). Что и говорить. Ведь и в Талмуде сказано: «Относись осторожно к нищим».

Со двора выходят нищие, поодиночке, по несколько человек, сходятся в небольшие группы. 1-й, 2-й старики и Меер отходят к столу, за которым стоит Алтер, обмениваются с Алтером шепотом несколькими словами. Он наливает им по фюмке. Пьют, закусывают пряником.

Хромая старуха. Говорили, что дадут по тарелке супу – и не дали.

Горбун. Булки давали по небольшому ломтику.

Нищий на костылях. Такой богач. Не хвор был бы дать и по целой булке на человека.

Высокая бледная нищая. Могли бы дать и по куску курицы. (*Указывает на сидящую на земле кухарку.*) Ничего, для богатых гостей готовят и кур, и индюков, и гусей.

Гость (*подходит к столу, с любопытством оглядывает его*). Зачем это ты так рано расставляешь угощенья?

Здесь и далее подчеркнуты те фразы, что были вписаны автором поверх вычеркнутых по требованию цензуры. Вычеркнутые слова и фразы восстановлены и печатаются в квадратных скобках.

- Алгер.** Это не для гостей. Эти подносы реб Сендер отнесет во двор, поздравительное нашему пану.
- Гость.** А-а, во двор пану...
- Алгер.** Тончайшие вина, самые дорогие яства.
- Меер.** Посылали за этим нарочного, за пятьдесят миль в город.
- Гость.** Видно, вы сильно боитесь вашего пана. Что он? Очень грозный?
- Алгер.** Как все паны. Может одним словом осчастливить человека, а может в яме сгноить.
- Кухарка** (многозначительно). Может и нечто худшее сделать...
- Гость** (насторожившись). А что?
- Кухарка.** Ничего... Не обо всем следует говорить...
- Меер.** Вы, вероятно, слыхали о деде нашего пана, о старом графе?
- Гость.** Не припомню что-то. Ведь я издалека.
- 1-й старик** (удивленно). Ничего не слыхали о старом графе? Ведь вся округа гремела им. Шутка ли, что он вытворял. И рассказывать страшно. Он по ночам превращался в черную кошку и душил еврейских младенцев накануне обрезания. И ничем нельзя было спасти от него, пока сам Бешт не выступил и не поборол его.
- Меер** (2-му старику). Раби Михоэль, ведь вы знаете эту историю. Расскажите. Пусть чужой еврей тоже услышит.
- 2-й старик** (вздыхает, садится. Садятся и другие, кроме Меера). Однажды святой Бешт, блаженной памяти, велел своему вознице Алексе запрягать лошадь. Алекса запряг, и Бешт с учениками поехал. Как Бешт обыкновенно ездил, вы, конечно, знаете. Он сидит в кибитке и беседует с учениками, Алекса сидит на козлах спиною к лошади и спит. Лошадка сама идет, знает куда, идет тихо, еле переставляет ноги, а проезжают в полчаса тысячу миль, две тысячи миль. И это потому, что под лошадью земля скачет в обратную сторону. Едут они – вдруг лошадка останавливается возле корчмы. Остановилась – значит так надо. Вышел Бешт с учениками из кибитки, заходят в корчму – видят: корчма убрана по-праздничному, зажжено множество свечей, а сам хозяин сидит в углу, сильно удрученный, и даже голову не поднял, когда они вошли. Бешт подошел к нему и спрашивает, чем он так удручен. Корчмарь сперва не хотел с ним разговаривать, но когда Бешт к нему пристал, он рассказал о своей горе. «Семь раз жена моя рожала детей, мальчиков, – рассказал он. – Рождались они совершенно здоровыми, а в полночь накануне обрезания все

умирали. Теперь жена родила восьмого мальчика, завтра должно быть обрезание, и я знаю, что ночью этот ребенок тоже умрет». Бешт выслушал его и говорит: «Твой ребенок будет жив. Ложись спокойно спать». Корчмарь послушался. Бешт поставил возле колыбели двух своих учеников, велел им бодрствовать и дал им пустой мешок. «Этот мешок, – сказал он, – держите наготове раскрытым у самой колыбели. И если появится какое-нибудь существо и бросится к колыбели, захватите его в мешок, завяжите крепко-накрепко и позовите меня». А сам ушел в другую комнату и углубился в божественных мыслях. Ученики сделали все, как Бешт велел. Когда настала полночь, стали тухнуть свечи, в комнату вбежала огромная кошка и бросилась к колыбели. Ученики захватили ее в мешок, завязали и позвали Бешта. Он велел беспощадно бить палками по мешку и затем выбросить избитую кошку на улицу. Так и сделали. Утром ребенок оказался живым и здоровым. Устроили обрезание, пировали и веселились. После пира корчмарь, по обычаю, отнес пану поздравительное угощение.

Меер.
2-й старик

Этот пан и был старый граф, дед нашего пана. Понимаете? *(продолжает)*. Когда корчмарь принес на двор угощение, слуги сказали ему, что пан болен. Но пан услышал, что пришел корчмарь, и велел его позвать к себе. Корчмарь нашел пана в постели, всего покрытого пластырями. Пан спросил его: «Какой это еврей приехал к тебе вчера ночью?» Корчмарь говорит: «Я не знаю, кто он, но видно, божественный человек. Он спас моего ребенка от смерти». И рассказал пану все, что случилось. Пан и говорит: «Скажи этому еврею, чтобы он пришел ко мне». Корчмарь вернулся домой опечаленный, так как боялся, чтобы пан не причинил Бешту какое-нибудь зло. Бешт рассмеялся и говорит: «Не бойся» – и пошел к пану. Как только он пришел, пан ему говорит: «Это не штука, что ты неожиданно захватил меня и избил. А вот если хочешь сразиться со мной, выйдем оба в чистое поле на бой – тогда увидишь, кто из нас сильнее». Бешт ему отвечает: «Я не думал бороться с тобой, а только хотел спасти ребенка. Но если ты меня вызываешь на бой, я не отказываюсь. Я соберу моих учеников, ты собери своих, и через месяц сойдемся на открытом месте». Ровно через месяц оба они сошлись на поле, как условились. Бешт сделал вокруг себя два круга и один вокруг учеников и велел ученикам при-

стально глядеть ему в лицо, и если заметят, что он изменился в лице, чтобы они усилили проникновение божественными мыслями. Пан тоже сделал вокруг себя и своих учеников круги и начал посылать из своего круга страшных зверей, которые с диким ревом кидались на Бешта. Но как только добежали до первого круга, они исчезали. Так продолжалось целый день. Наконец пан выгнал против Бешта диких кабанов, которые выбрасывали из ноздрей огонь. Кабаны бросились со страшной яростью и прорвали первый круг. Бешт изменился в лице. Ученики, увидев это, усилили божественное проникновение – и кабаны у второго круга исчезли. Три раза посылал пан кабанов, и все они исчезали. Тогда он вышел из круга и говорит Бешту: «У меня уж больше нет сил бороться с тобой. Ты победил и можешь меня убить». Бешт ему ответил: «Если бы я хотел тебя убивать, я бы мог давно это сделать. Я только хотел показать тебе величие нашего Бога. Взгляни на небо». Пан поднял глаза к небу. Прилетели два ворона и выклевали ему глаза. Пан ослеп и не мог больше творить зла, так как вся колдовская сила была у него в глазах. Так да погибнут все враги Твои, Господи!

Пауза. Все поражены рассказом.

- Кухарка.** Старики еще помнят, как этот старый граф ходил слепой по местечку и два гайдука водили его.
- Гость.** Ну, а вот теперешний пан? Разве он тоже замечен в этих делах?
- Кухарка.** В прошлом году умирали дети, как мухи... Перед Пасхой в одну неделю умерло три роженицы... летом утонула середь бела дня девушка невеста. Неспроста же это...
- Алтер.** И подозревают... и дрожат...

Выходит Сендер, одетый по-праздничному, в сопровождении нескольких слуг.

- Сендер** (Алтеру). Все приготовлено, как я велел?
- Алтер.** Все, все, реб Сендер, все! Можете положиться на меня. (По-дает слугам подносы.) Смотрите, несите осторожно.

Сендер в сопровождении слуг с подносами направляется к площади и сворачивает в переулок направо. Все расступаются, провожают процессию глазами, шепчут друг другу: «Реб Сендер понес во двор поздравительные». Алтер утирает, уносит в дом

*стол вместе с остатками вина и печений. Одна за другой уходят и **кухарки**. **1-й** и **2-й старики** и **Меер** возвращаются в синагогу. **Гость**, постояв на крыльце, заходит в дом. Во дворе позади столов показывается **Лиля** в подвенечном платье, кружась поочередно с нищими. К ней тянутся со всех сторон другие. Нищие поодиночке из-за стола выходят на площадь.*

Безрукая старуха. Я плясала с невестой!

Хромая старуха. Я тоже! Обняла ее и кружила, хе-хе!

Горбун. Почему это невеста пляшет только с женщинами? Я бы тоже хотел обнять и поплясать, хе-хе!

Нищие. Хе-хе-хе!

*На крыльцо выходят **Фрада**, **Гитель** и **Бася**.*

Фрада. Горе мне! Лиеле все еще пляшет с нищими. У нее головка закружится. Девочки, уведите ее скорее! (*Садится на завалинку у крыльца.*)

Гитель и Бася подходят к Лиля, останавливают ее.

Гитель. Довольно, Лиеле, танцевать. Пойдем!

Лиля (*глядит на нее бессознательно. Закрывает глаза*). Еще... еще...

Бася. У тебя головка закружится.

Бася и Гитель берут Лилю за руки, хотят увести.

Нищие (*обступают Лилю, удерживают ее, кричат жалобно, плаксиво*).

– Она еще со мною не плясала!

– Чем я хуже других?

– Я жду целый час!

– Пустите меня! Теперь моя очередь!!

– С хромой Яхной она долго кружилась, а со мной не хочет?

– Пусть она со мной хоть разок покружится.

Маршалок (*выходит, становится на скамейку. Громко, нараспев*).

Все под навес отправляйтесь скорей:

Там каждый получит по десять грошей... (*Уходит.*)

Нищие гурьбой, толкая друг друга, кидаются во двор, выкрикивая возбужденно: «По десять грошей... По десять грошей». На опустевшей сцене остаются Лиля, Гитель, Бася и Полуслепая старуха.

Полуслепая старуха (*цепляясь за Лию*). Хоть разок покружись со мной. Мне не надо грошей. Сорок лет уже, как я не плясала... Ой, как я плясала в молодости, как плясала! (*Лия обнимает ее, кружится. Старуха, вцепившись в нее, повторяет.*) Еще... Еще... (*Кружатся, старуха, задыхаясь, кричит.*) Еще... Еще...

Бася и Гитель насильно останавливают старуху. Бася отводит ее во двор, возвращается. Гитель подводит Лию к скамье, сажает ее. Слуги убивают столы, закрывают ворота.

- Фрада.** На тебе лица нет, Лиеле! Ты устала?
Лия (*закрыв глаза, подняв голову, полусознательно*). Они крепко обнимали меня, прижимались ко мне, впивались в меня холодными пальцами... Голова кружилась, замирало сердце, земля уплывала из-под ног. И какая-то неземная сила подхватила меня и унесла с собою далеко, далеко...
- Бася.** Они измяли и испачкали твоё платье! Что ты теперь будешь делать?
- Лия** (*продолжает как раньше*). Когда невесту оставляют одну в день венца, ее подхватывают духи и уносят, и она сама превращается в дух... Зачем вы меня вернули?..
- Фрада** (*испуганно*). Какие страшные слова ты произносишь, Лиеле. Про духов даже упоминать нельзя. Они лукавые. Они сидят, притаившись во всех уголках, во всех щелочках, все высматривают, ко всему прислушиваются и только ждут, когда про них упомянут, чтобы наброситься на человека. Тьфу! Тьфу! Тьфу!!!
- Лия** (*открывает глаза*). Я их знаю и не боюсь их. Они не страшные...
- Фрада.** И хвалить их нельзя. Когда злого духа хвалят, он становится дерзким.
- Лия** (*особенно убедительно*). Бабушка, ведь нас окружают не злые духи, а души людей, которые жили на земле раньше нас, и вместе с нами, и умерли. Это они присматриваются ко всему, что мы делаем, прислушиваются ко всему, что мы говорим. Они живут с нами.
- Фрада.** Что ты, что ты, Лиеле! Души умерших взлетают на небо, покоятся в светлом раю. А грешные души...
- Лия** (*перебивает ее*). Нет, бабушка, нет! Они живут с нами... (*Иным тоном.*) Бабушка! Ведь человек рождается для целой большой жизни! А если он умирает раньше времени – куда же де-

вается его недожитая жизнь, его радости и горести, мысли, которые он должен был думать, дела, которые он должен был сотворить, дети, которых он должен был родить? Куда? Куда?.. *(Иным тоном.)* Жил юноша с высокой душой, с глубокими мыслями. И была перед ним целая жизнь. И вдруг, в один миг, она оборвалась. И пришли чужие люди, и отнесли его на кладбище, и похоронили в чужой земле. А куда же делась его недожитая жизнь? его недосказанные слова? его недопетые молитвы? Бабушка, ведь если свеча гаснет раньше, чем догорает, она не исчезает. И ее можно вновь засветить, и она будет гореть, пока не догорит до конца. Как же может исчезнуть потухшая раньше времени человеческая жизнь? Как она может исчезнуть?

Фрада

(качает головой). Нельзя, Лиеле, думать о таких вещах. Господь знает, что делает. А мы – слепые и ничего не знаем.

Лия

(тихо). Я знаю, бабушка. Жизнь человеческая не исчезает. Души покойников возвращаются на землю и бесплотными духами доживают свою жизнь, довершают свои дела, переживают свои неиспытанные радости, допевают свои молитвы. Вы сами рассказали, как по ночам покойники собираются в синагогу на молитву. Мать моя умерла молодой и не испытала всех материнских радостей. Сегодня пойду к ней на кладбище и приглашу ее к себе на свадьбу. И она придет. И вместе с отцом поведет меня под венец и потом будет плясать со мной... И все другие души тоже живут с нами, радуются и печалются. Но мы их не видим, не понимаем. *(Шепотом.)* Бабушка! Если сильно захотеть, можно их видеть, и слышать их голоса, и жить с ними, как с живыми. Я знаю... *(Пауза. Указывает на могилку.)* Вот святая могилка. *(Встает и медленно идет к могилке. Фрада, Гитель и Бася следуют за ней.)* Я знаю эту могилку с раннего детства, знаю покоящихся в ней жениха и невесту, видела их много раз во сне и наяву, и они мне близки, как родные. Шли они, молодые и радостные, к венцу, и была перед ними долгая жизнь. И вдруг – крики, смятение, налетели жестокие и кровожадные люди. Блеснул топор – и жених с невестой пали мертвыми. И их похоронили в одной могилке. И они стали неразлучными навеки, и души их сплелись вместе, видят и слышат друг друга. И при каждой свадьбе, когда пляшут вокруг их могилки, они выходят и берут у новобрачных частицу их радости и веселья, и справляют собственную свадьбу. *(К могилке.)* Вечные жених

и невеста! Прошу вас явиться ко мне на свадьбу! Приходите и станьте рядом со мной под венцом.

Тут музыки. Лия вскрикивает и чуть не падает. Гитель и Бася поддерживают ее.

- Гитель.** Чего ты испугалась? Это приехал жених – его встречают у околицы с музыкой.
- Бася** (возбужденно). Я побегу, посмотрю на него!
- Гитель.** Я тоже. Потом прибежим и скажем тебе, какой он. Хорошо?
- Лия** (тихо). Не надо...
- Бася.** Она стыдится. Не стыдись, глупенькая! Мы никому не расскажем! (Поспешно уходят. Лия и Фрада возвращаются на прежнее место.)
- Фрада.** Невеста всегда просит подружек, чтобы они поглядели и сказали ей, какой из себя жених, беленький или черненький?

Подходит Сендер.

- Сендер.** Что это ты сидишь здесь, дочь моя?
- Фрада.** Она увеселяла нищих, плясала с ними, у нее головка закружилась. Она и отдыхает.
- Сендер.** А-а, нищих увеселяла. Это хорошо... А я был у графа во дворе. Он остался доволен угощением и обещал прислать тебе дорогой подарок. (Глядит на небо.) Уже не рано. Сваты и жених приехали. Вы готовы?
- Фрада.** Мы должны еще пойти на кладбище...
- Сендер.** Иди, иди, дочь моя, в гости к матери. Пригласи ее на свадьбу, поплачь над ее могилкой... и скажи ей, что я тоже прошу ее прийти, что я непременно хочу вместе с ней вести к венцу нашу единственную дочь. (С волнением.) Скажи ей, что я исполнил все, о чем она меня просила на смертном одре. Все мои заботы я посвятил тебе, воспитывал тебя в страхе Божием и теперь выдаю замуж за достойного, ученого юношу из лучшей семьи... (Всхлипывает. Вытирает слезы и с поникшей головой уходит в дом. Пауза.)
- Лия.** Бабушка, ведь можно и кроме матери кого-нибудь из покойников пригласить на свадьбу.
- Фрада.** Только самых близких родственников. Пригласишь дедушку Эфраима, тетку Миреле...
- Лия** (тише). Хочу пригласить одного... не родственника.

- Фрада.** Нельзя, дочь моя! Если пригласишь чужого, все другие покойники обидятся, что их не пригласили, и будут причинять зло...
- Лия.** Но это не чужой... Он был у нас в доме как родной.
- Фрада** *(шепотом)*. Кто?
- Лия** *(чуть слышно)*. Хонон...
- Фрада** *(испуганно)*. Ой, боюсь, дочь моя! Говорят, что он умер нехорошей смертью. *(Лия опускает голову и беззвучно плачет.)* Ну не плачь! Не плачь! Пригласи и его! На себя возьму грех! *(Спохватившись.)* Но ведь я не знаю, где его могила. А спрашивать непристойно!
- Лия.** Я знаю...
- Фрада.** Откуда знаешь?
- Лия.** Я ее видела во сне! *(Закрыв глаза, как бы про себя.)* И его самого видела... И он говорил со мной, и рассказывал, что с ним происходит на том свете, и просил, чтобы я позвала его к себе на свадьбу.

Прибегают Гитель и Бася.

- Гитель и Бася** *(вместе)*. Мы его видели! Мы его видели!
- Лия** *(отшатнувшись, вскрикивает)*. Кого? Кого вы видели?
- Гитель.** Жениха! Он черненький-черненький!
- Бася.** Нет, беленький! Нет, беленький! *(Пауза.)*
- Лия** *(встает)*. Бабушка, пойдите на кладбище.
- Фрада.** Постой, Лиеле! Раньше ты еще должна отнести своей повитухе, бабке Хане, рубаху, которую ты для нее сшила.
- Бася.** И она будет в ней плясать по базару и петь и угощать лавочников.
- Фрада.** Да! Это стародавний обычай и его надо исполнять. *(К Гитель и Басе.)* Пойдите, девочки, в дом и принесите рубаху и угощение на подносах.

Гитель и Бася уходят в дом и выносят на двух подносах рубаху и угощение, мед и пряники. Передают поднос с рубахой Лии. Она идет вперед, за ней Гитель с другим подносом. Направляется к крайнему домику с левой стороны сцены. Сбегаются дети, подростки.

- Дети** *(весело, подпрыгивая)*. Несут рубаху бабке Хане! Несут рубаху бабке Хане! *(Бегут за процессией. Лия и другие подходят к дому Хань.)*
- Лия** *(стучит в дверь)*. Баба Хана, откройте! Внучка пришла, подарок принесла!

Выходит старая бабка Хана.

Бабка Хана. Внученька пришла! Бабку старую вспомнила!
Лия (*подает ей поднос с рубахой*). Бабушка! Рубаху эту я сама для вас шила и прошивала! (*Подает ей другой поднос*.) Печенье это я сама для вас пекла и выпекала! Как вы принимали меня, когда я родилась, так примите от меня подарок в день моей свадьбы. Живите до ста двадцати лет!

Бабка Хана. Немного уж осталось до ста двадцати лет, хе-хе! (*Принимает второй поднос*.) Внучка моя золотая! Как ты одарила меня рубахой, так да одарит тебя Господь двенадцатью сыновьями, которые день и ночь сидели бы над Торой и прославили бы твое имя во всем мире! (*Целует ее. Кладет ей руки на голову*.) Да благословит тебя Господь Авраама, Исаака и Иакова! (*Берет рубаху, рассматривает ее*.) Ай, ай, ай, какая хорошая рубаха! Я оставлю ее себе на саван! Ну, пойду наряжаться! (*Уходит в дом. Лия, накинув на плечи черный платок, уходит вместе с Фрадой в боковой переулок*.)

Гитель (*Басе*). Лия и Фрада ушли на кладбище.

Выходит Хана в рубахе, опоясанная белым шнурком.

Бабка Хана (*берет в руки поднос и подплясывая направляется через базар к лавкам. Поет*).

Наплодила бабка Хана
 Множество внучат.
 Все в день свадьбы ей рубаху
 Белую дарят.

Нарядилась бабка Хана
 В белый свой убор
 И выходит, как графиня,
 На широкий двор.

Выплывает бабка Хана
 Да на стар базар,
 Выбегают ей навстречу
 Все – и млад, и стар.

Внучку Лию бабка Хана
 Замуж выдает

И подносит всем соседям
Пряники и мед.

Угощает лавочников.

Угощение бабки Ханы
Сладко и пьяно,
Кто к губам подносит рюмку,
Тот кричит: «Еще».

Голоса. Еще! Еще!

Лавочники и лавочницы обступают Хану, пьют мед, закусывают пряники и кладут на поднос монеты.

Бабка Хана (*передает поднос*). А теперь пойду увеселять святых покойников, жениха и невесту. Зовите музыкантов.

Все притихают. Среди общей тишины бабка Хана, подплясывая, направляется к могилке. Толпа обступает ее большим полукругом. Выходит музыкант и под сурдинку играет заунывную тихую мелодию. Под эту мелодию бабка Хана медленно пляшет вокруг могилки, обходя ее три раза. Толпа молча расходится. Бабка Хана возвращается к себе. Темнеет. Лавочники запирают лавки. В синагоге и доме Сендера зажигаются огни. Выходят Сендер, Гость, Гитель и Бася, тревожно оглядываются.

Сендер (*беспокойно*). Где Лия? Где Лия? Почему она так поздно не возвращается с кладбища?

Гость. Не случилось ли чего с ней?

Гитель и Бася. Мы пойдем ей навстречу. (*Идут. Из переулка поспешно выходят закутанные в черные платки Фрада и Лия.*)

Фрада. Скорее, доченька, скорее! Мы страшно запоздали. Ох, зачем я тебя слушалась! Я вся дрожу. Не случилось бы чего дурного, Боже упаси!

Сендер. Вот и она! (*Подходит.*) Отчего вы так запоздали?

Выходят несколько женщин.

Женщины. Ну, вот и невеста! Ведите ее освящать свечи. (*Уводят Лию.*)

Фрада (*к Гитель и Басе*). Она упала в обморок. Еле привели ее в чувство. Я вся дрожу.

Бася. Она весь день ничего не ела.

Гитель. Вероятно, сильно плакала над могилой матери?
Фрада. Ой, лучше не спрашивай меня.

*Уходит в дом. Выносят полукадку, в которой месят хлеб, ставят ее опрокинутой у крыльца, кладут подушку и покрывают простыней. Выводят **Лию** и сажают. Играет музыка. Из дома возле синагоги выходит группа празднично одетых евреев и евреек, среди них худенький юноша в длинном стуртуке и меховой шапке. Идет робко, с опущенными глазами, держа перед собой покрывало. Подходит, накидывает Лии покрывало через голову на лицо. Отходит к своей группе, которая вместе с ним заходит в дом Сендера. Выступает **Маршалок**.*

Маршалок *(громко, плачущим напевом).*
 Невеста, невеста, невеста краса.
 Сегодня день твоего Великого суда.
 Пред Богом на небе предстанут все твои дела,
 И тайные, и явные, и мысли и слова
 От часа рождения до нынешнего дня...
 И на всю твою жизнь, на долгие года
 Решится сегодня твоя судьба – а-а!

Музыка.

И в этот час не должна ты, невеста, забывать,
 Что Бог судил сиротством тебя наказать.
 Что в сырой земле лежит твоя бедная мать,
 Не может она из холодной могилочки встать,
 Чтобы вместе с отцом тебя под руки взять
 И, благословляя, к венцу провожать.

Музыка, женщины плачут.

Поэтому должна ты, невеста, плакать и рыдать
 И строгим постом и молитвой себя очищать.
 Чтобы перед судом Всемогущего Бога предстать
 Невинной и чистой, как родила тебя мать.
 И за это Всевышний тебе не откажет послать
 Свою безграничную милость и свою благо-да-ать.

Музыка.

Голоса. Ведите невесту к венцу!!!

*Возле синагоги ставят балдахин на четырех шестах, которые подростки придерживают. Из дома выходят **Сендер** и **старуха-тетка** и берут Лию под руку. Выходят*

сваты с женихом, родные, гости со свечами в руках. Образуется кортеж. Впереди выступают музыканты. Перед ними пляшут лицом к кортежу мужчина в вывернутом кожухе и женщина с большим плетеным калачом в руках. За музыкантами важно выступают раввин и кантор. За ними Меер несет на подносе графин вина и стакан. Дальше отец и мать ведут жениха. За ними Сендер и тетка ведут Лию, за ними Фрада, Гитель и Бася, далее идут по два, по три человека родные, гости. Направляются к синагоге полукругом через всю сцену. Выходит навстречу водонос с полными ведрами. Все кидают в ведра монеты. Под балдахином подходит раввин с кантором и служкой. Подводит жениха и ставит в середине. Вводят Лию и семь раз обводят ее вокруг жениха. Меер передает жениху кольцо. Сендер берет руку Лии, поднимает ее. Жених поднимает руку с кольцом, чтобы надеть Лии на указательный палец.

Лия *(вырывает руку, отталкивает жениха. Кричит истерически). Не ты мой жених!!! (Падает на землю.)*

Сильное смятение. Все кидаются к Лии, поднимают ее, суетятся вокруг нее.

Сендер *(потрясенный). Дочь моя, дочь моя!!! Что с тобой?*
Лия *(снова вырывается. Подбегает к могилке, простирает руки). Вечные жених и невеста, защитите меня! (Вскакивает. Совершенно иным, мужским голосом кричит.) Вы меня похоронили! А я вернулся к моей суженой и не уйду от нее. Отступитесь от меня! (Раввин подходит к ней. Она ему кричит.) Хамелюк... (Раввин отшатывается от нее.)*

Гости *(в ужасе). В нее воплотилась чужая душа.*
Раввин. *В нее вошел Дибук! (Общее смятение.)*

Д Е Й С Т В И Е ІІІ

*В доме раби Шлоймеле Тартаковера. Большая комната, служащая домашней моленной. Слева дверь с улицы, за ней во всю левую стену стол, покрытый скатертью. Лежит горка ломтиков белого хлеба. С обеих сторон стола – скамьи. У почетного места – кресло. Посреди передней стены небольшой кивот и амвон. С обеих сторон – окна. Правая часть комнаты имеет более характер жилого помещения. Диван, несколько стульев, стол. С правой стороны дверь во внутренние комнаты. У длинного стола, с краю, стоят **Михоэль** и **Старый хасид**. Сумерки. Из внутренних комнат слабо доносится молитвенное пение.*

Старый хасид (*пожимает плечами*). Такое несчастье! Такое несчастье! И с кем это должно случиться – с Сендером!

Михоэль. Не узнать его стало! Не тот человек совсем! Страшно смотреть на него!

Старый хасид. Шутка сказать! Единственная дочь! Но как это случилось, каким образом?

Михоэль. Кто знает! Перед самым венцом...

Старый хасид. Может быть, оставили ее одну?

Михоэль. Что вы говорите! Что они, маленькие дети, не знают, что опасно оставлять невесту перед венчанием одну? Все были при этом, и родители, и жених. Уже вели ее к венцу, как вдруг она падает, начинает кататься по земле и кричать не своим голосом: ругает сватов, жениха, раввина...

Старый хасид. А! Волос дыбом становится!

Михоэль. Тотчас же поняли, что в нее воплотилась душа покойника, то есть [вошел дух,] Дибук. Кричала мужским голосом. Стали спрашивать Дибук, кто он? Не сказал. Только кричит, что он – жених дочери Сендера. [Но его сейчас же узнали:

ешиботник, незадолго перед тем умерший]. Можете себе представить, что там творилось! Сендер не стал долго размышлять, взял лошадей и привез ее прямо сюда, к раби Шлоймеле. Приехал вчера вечером к самому заходу субботы. Не хотел заезжать на постоянный, чтобы не было лишнего шума в местечке, и заехал ко мне. И вот я имел такую субботу, что вовеки не забуду ее. Целые сутки «он», не переставая, кричал из нее.

Старый хасид. Что же кричит он, что?

Михоэль. Что он кричит? Кричит: «Сжальтесь! Не ведите меня к цадику! Я боюсь его! Я знаю, что он очень силен и будет принуждать меня выйти. Но я не послушаюсь, не выйду!» Все в таком роде. А когда «он» отпускал ее, она говорила своим голосом, клала голову на колени старой няне и плакала. Сердце надрывалось...

Старый хасид. Равви, конечно, не видел ее еще?

Михоэль. Когда же? Не станет же он нарушать субботний покой такими делами.

Входят хасиды поодиночке и группами. Разговаривают друг с другом шепотом. Открывается дверь из внутренних комнат. Входит раби Шлоймеле, глубокий старик в белом жупане, в высокой меховой шапке.

Ша-а. (Все сразу умолкают.)

Раби Шлоймеле задумчив. Идет медленно к столу. Садится устало в кресло. Михоэль становится у его правой руки. Хасиды занимают места. Старики усаживаются на скамьях, молодые стоят за их спиной. Михоэль раздает присутствующим по ломтику белой булки.

Раби Шлоймеле (поднимает голову, тяжело вздыхает и начинает тихим дрожащим напевом). «Сие есть пир царя Давидова».

Все повторяют. Полушепотом читают молитву. Пауза. Начинают петь, сперва тихо, затем все громче, песню без слов, очень грустную и торжественно-мистическую. Пауза. Раби Шлоймеле, подперев голову руками, сидит, углубившись в мысли. Напряженная тишина. Поднимает голову и начинает говорить торжественно-медленно.

Рассказывают о святом Бал-Шеме, да защитит он нас. (Коротенькая пауза.) Однажды приехали в его город, Меджибож, фокусники, из тех, которые ломаются на улицах, продельва-

ют разные штуки. И протянули они веревку через реку, и один из них собирался идти по веревке. И побежал весь город к реке. И пошел Бал-Шем тоже к реке, и стоял вместе со всеми. И тоже глядел, как фокусник ходил по веревке. И дивился народ, что святой Бал-Шем пошел смотреть такие вещи. И обратились к нему приближенные, и спросили, что сие означает? И ответил он: «Я пошел смотреть, как человек умудряется ходить над пропастью. И глядел я и думал: если бы этот человек столько работал над своей душой, сколько он работал над своим телом, через какие страшные пропасти она могла бы переходить по тонкой нити жизни».

Шепот одобрения.

1-й хасид.

А! а! а! Как высоко!

2-й хасид.

Божественные слова! (*Снова поют песню без слов. Пауза.*)

Раби Шлоймеле (*как раньше*). Существует великий святой мир. В этом мире самое священное место – Страна Израиля. В Стране Израиля всего святее Иерусалим. В Иерусалиме святейшим местом был Храм, в Храме всего святее была Святая Святых*. (*Короткая пауза.*) Существует в году триста пятьдесят пять дней*. Среди них наиболее святы праздники, среди праздников наиболее святы Субботы, среди Суббот всего святее Суббота Суббот – Йом-Кипур. (*Короткая пауза.*) Существует семьдесят племен. Среди них самое святое племя – еврейское. В еврейском племени самое святое колено – Левитово*. В Левитовом колене святее других потомки Аарона*, Койганы. Среди Койганов самым святым был первосвященник. (*Короткая пауза.*) Существует семьдесят наречий, среди них самое святое – язык еврейский. В еврейском языке – всего святее – Библия. В Библии самое святое место – «Десять заповедей». В «Десяти заповедях» самое святое слово – Имя Господне. (*Короткая пауза.*) И раз в году, в установленный час, сходились вместе все четыре высшие святыни Вселенной. Это было, когда в день Йом-Кипура первосвященник входил в Святая Святых и произносил тогда полностью Имя Господне. И этот святейший час был самым грозным и самым опасным как для первосвященника, так и для всего еврейского народа. Поэтому раньше чем первосвященник проникал в Святая Святых, народ заклинал его Именем Обитающего Храма подумать, не имеет ли он греховных мыслей. И

Святая Святых – храмовое помещение, где хранился самый священный культовый объект – Ковчег завета, то есть ларь, в котором, в свою очередь, хранились скрижали завета.

Триста пятьдесят пять дней – по еврейскому летоисчислению год – лунный – имеет 355 дней. К каждому третьему году прибавляется месяц (*прим. С.Анского*).

Левиты – представители колена Леви, за исключением жрецов. Из них набирались служители скинии, а позднее Храма (певчие, музыканты, стража и т.д.).

Аарон – брат и ближайший сподвижник Моисея. Принадлежал к колону Леви.

Сефирот (также: сфирот; букв. числа) – термин, принятый в каббалистической литературе для обозначения божественных сущностей. В Каббале распространено представление о десяти «сфирот», образующих иерархическую структуру и динамически связанных между собой.

он простирал руки. И плакал, что его заподозрили. И народ плакал, что заподозрил его. Ибо если б в тот миг, когда он входил в Святая Святых, у него появилась греховная мысль, мир рухнул бы. (*Пауза.*) Каждое место, с которого человек поднял только взор к небу, – Святая Святых. Каждый миг жизни – Йом-Кипур, день суда. Каждый еврей – первосвященник. Каждое слово, произнесенное в святости, – Имя Господне. Поэтому падение еврейской души влечет за собой разрушение мира. (*Пауза. С дрожью в голосе.*) Еврейские души. Сквозь тяжелые муки, страдания, через различные перевоплощения тянутся они, как дитя к сосцам матери, к Престолу Всевышнего. И когда они подходят совсем близко, случается иногда, что темная сила одерживает верх – и они падают. И чем выше было их воспарение, тем глубже их падение. И когда такая душа падает в пропасть – плачут все миры, все десять Сефирот...* (*Пауза. Точно очнувшись.*) Дети, сегодня мы сократим наши Проводы Царицы – Субботы. (*Все встают из-за стола.*)

Михоэль.

Раби просит всех уйти.

Все медленно расходятся. Раби Шлоймеле остается у стола, погруженный в мысли.

Михоэль

(*нерешительно*). Раби... (*Раби Шлоймеле смотрит на него молча и скорбно.*) Приехал Сендер Бриницкий...

Раби Шлоймеле (*точно повторяя за ним*). Приехал Сендер Бриницкий... Знаю...

Михоэль.

У него случилось большое несчастье... В его дочери воплотился Дибук.

Раби Шлоймеле. Воплотился Дибук... Знаю...

Михоэль.

Он привез ее к вам...

Раби Шлоймеле. Ко мне... ко мне... Как он мог привезти ее ко мне, когда нет этого «мне», когда нет моего «я».

Михоэль.

Раби, к вам идет целый свет...

Раби Шлоймеле. Слепой свет... Слепые овцы устремляются к слепому пастырю. Если бы они не были слепы, они обращались бы не ко мне, а к Тому, Кто может сказать о Себе – Я; к единому, великому Я мира...

Михоэль.

Раби, вы его посланец.

Раби Шлоймеле (*вздыхает*). Это говорят люди, а во мне нет уверенности... Уже сорок лет, как состою цадиком, и до сих пор не знаю, истине ли я посланец Бога. Бывают времена, когда ощущаю в себе великую мощь, чувствую близость к Богу и сознаю

свою власть в высших мирах. Тогда не сомневаюсь, не спрашиваю... Но бывают времена, когда чувствую себя слабым и беспомощным, как покинутый ребенок... И тогда мне хочется самому бежать к кому-нибудь, молить о помощи...

Михоэль. Я помню, раби...

Раби Шлоймеле (*испуганно*). Что ты помнишь?

Михоэль. Однажды, в глухую ночь, вы пришли ко мне в дом, разбудили меня и со слезами стали просить, чтобы я читал с вами Псалмы...

Раби Шлоймеле. Да... Это было давно... Теперь бывает хуже... (*Жалобно*.) Чего хотят от меня? Я стар и немощен... Тело просит покоя... душа жаждет уединения. А ко мне тянутся со всех сторон нужды и муки всего мира. Предо мной обнажаются страшные язвы; от меня требуют исцеления, помощи, заступничества... Каждая записка, которую мне подают, вонзается в тело, как острая игла. (*Всхлипывает*.) Не могу больше...

Михоэль (*испуганно*). Раби! Раби!

Раби Шлоймеле. Не могу больше, не могу!

Михоэль. Раби! Вы не должны забывать, что за вами стоит целый ряд великих предков... (*Пауза*.)

Раби Шлоймеле (*приходит в себя. Сосредоточенно*). Предки... Отец, раби Ицэле, блаженной памяти, три раза в день восходивший на небо; дядя, великий раби, Меер-Бер, воскрешавший мертвых... дедушка, святой ребе Велвеле, ученик и друг Бал-Шема... (*Поднимает голову*.) Знаешь, Михоэль, дедушка, ребе Велвеле, изгонял Дибука без Святых Имен и заклинаний, одним властным окриком, одним окриком. (*Твердо*.) В трудную минуту я всегда обращаюсь к нему, и он мне помогает. Он и теперь поддержит мою десницу... позови Сендера!

Михоэль выходит и возвращается с Сендером.

Сендер (*делает шаг вперед, простирает руки с плачем*). Раби! Помогите! Спасите мою дочь!..

Раби Шлоймеле. Расскажи, как случилось несчастье.

Сендер. Случилось это, когда я вел дочь к венцу...

Раби Шлоймеле (*перебивает его*). Я спрашиваю не об этом. Я хочу знать, как это могло случиться.

Сендер. Не знаю, раби...

Раби Шлоймеле. Червяк может проникнуть в плод только тогда, когда плод начинает портиться...

Сендер. Раби. Моя дочь – благочестивая дочь Израиля. Она всегда ходила с опущенными глазами и ни в чем не ослушалась родителей.

Раби Шлоймеле. Дети бывают иногда наказаны за грехи отцов.

Сендер. Если бы я знал за собой грех вольный, я бы в нем раскаялся.

Раби Шлоймеле. Спрашивали Дибук, кто он и почему вошел в твою дочь?

Сендер. Спрашивали. Не говорит... Но по голосу в нем узнали ешиботника, учившегося в нашем местечке, [большого каббалиста] умершего неожиданно в синагоге...

Раби Шлоймеле. Ты его знал?

Сендер. Да... Он некоторое время получал у меня стол...

Раби Шлоймеле (*пытливо*). Ты ничем не обидел его, не провинился пред ним?

Сендер. Не знаю... Не помню... (*В отчаянии.*) Раби, я не больше, как смертный! (*Пауза.*)

Раби Шлоймеле (*решительно*). Введи сюда свою дочь.

Сендер выходит. Раби Шлоймеле остается глубоко сосредоточенным. В дверях появляются Сендер и Фрада, ведущие за руки Лию. Она упирается у порога, не хочет войти.

Сендер (*умоляющим голосом*). Доченька, доченька! Сжался! Сжался над отцом, войди!

Лия (*плачущим тоном*). Отец! Я хочу войти, но не могу! «Он» не дает мне войти.

Сендер. Доченька, сделай над собой усилие.

Лия (*голосом Дибук. Кричит*). Я не хочу войти! Я не хочу к равви! Не хочу, чтобы он меня изгонял!

Раби Шлоймеле (*тихо и повелительно*). Отроковица, повелеваю тебе войти в комнату. (*Лия послушно, с опущенной головой, входит.*) Садись! (*Она послушно садится на стул.*) Сендер и Михоэль, держите ее. (*Берут ее за руки. Фрада стоит сбоку и гладит ее по спине.*)

Лия (*Дибук*) (*рванувшись с места*). Пустите меня, не хочу.

Раби Шлоймеле. Дибук! Тень человека, ушедшего из мира живых! Скажи нам, кто ты.

Лия (*Дибук*). Не скажу. Тартаковский цадик, ты сам знаешь, кто я. А другим я не хочу открывать своего имени.

Раби Шлоймеле. Почему ты вошел в эту отроковицу?

Лия (*Дибук*). Я ее суженый.

Раби Шлоймеле. По закону нашей Святой Торы мертвый не должен находиться среди живых. Поэтому ты должен оставить тело отроковицы и уйти из мира живых.

Лия (Дибук). Я не выйду!

Раби Шлоймеле (*повышая голос*). Я тебе вторично повелеваю!

Лия (Дибук) (*кричит*). Тартаковский цадик! Я знаю, как ты велик и могуществен. [Я знаю, что ты можешь повелевать ангелами.] Но со мной ты ничего не поделаешь. (*С отчаянием.*) Горе мне! Горе мне! Я проиграл оба мира! И некуда мне идти! Из мира живых меня гонят, и земля меня не принимает. И со всех сторон окружает меня тьма дьяволов, щелкают зубами, ждут, пока выйду, чтобы растерзать меня! Не выйду! Не выйду!

Раби Шлоймеле. Михоэль, позови десять евреев.

Михоэль выходит и возвращается с десятью человеками.

Святая община еврейская! Даете ли вы мне разрешение действовать вашим именем и вашей властью?

Все десять человек. Мы даем вам разрешение действовать нашим именем и нашей властью.

Раби Шлоймеле. Именем святой еврейской общины, именем Верховного Судилища в Иерусалиме, именем всех праведников и великанов духа в Израиле я, Шлойме бен Годес, предупреждаю тебя и повелеваю тебе, Дибук, покинуть тело [духу, выйти из тела] отроковицы Лии бас Ханы без вреда для нее, и чтобы, уходя, ты не причинил вреда ни тем, которые здесь, ни тем, которых здесь нет. Если не послушаешься моего повеления, я выступлю против тебя с заклятиями, отлучениями и проклятиями, со всей мощью десницы моей. Если же послушаешься, я употреблю все силы, чтобы исправить и спасти твою душу молитвами и милостыней. Вся община возьмет на себя, чтобы в течение года каждый день, кроме суббот и праздников, кто-нибудь постился для твоего спасения. Я буду читать по тебе поминальную молитву, дабы ты имел покой от дьяволов...

Лия (Дибук). Я не верю вашим обещаниям! Нет такой силы, которая могла бы меня спасти от дьявола и дать мне покой. Мне не страшны никакие заклятия, проклятия, отлучения! Мне некуда идти! (*С рыданием.*) Для меня закрыты все пути и тропы, для меня замкнуты все миры. Я не могу подняться ввысь, и нет такого дна, которого я мог бы достигнуть, падая в пропасть. Существуют небо, земля и преисподняя, существует бесконечное число миров. И во всех мирах, во всей Вселенной нашлось только одно убежище, где моя истерзан-

ная душа нашла свой покой. И вы хотите лишить меня и этого последнего убежища. Сжальтесь, не гоните, не заклиняйте меня!

Раби Шлоймеле. Мы преисполнены жалости к тебе и обещаем спасти тебя от злых сил и найти тебе место покоя в царстве небесном [мире духов. Но я в последний раз повелеваю тебе оставить тело отроковицы].

Лия (Дибук) *(с ожесточением)*. Не выйду! Не выйду! Не выйду!

Раби Шлоймеле. Михоэль! Позови от моего имени раввина и двух духовных судей. Вели приготовить семь черных свечей, семь трубных рогов, отбери семь Свитков Торы. Мы прибегнем к последнему, самому грозному средству.

Михоэль уходит.

Пока выведете отроковицу и выйдите все отсюда.

Сендер. Равви... Равви... *(Громко плачет.)* Равви... за что я так наказан!

Раби Шлоймеле. Мой сын, принимай испытания с любовью и спокойствием. Господь праведен во всех своих путях, но Он полон жалости и милосердия.

Лия *(как бы проснувшись)*. Отец! Я боюсь... Я вся охвачена страхом... Что хотят сделать с ним?

Сендер. Ничего, ничего дочь моя! Не бойся! Равви знает, что делает. Идем!

Уводит ее. Все уходит. Раби Шлоймеле сидит в глубокой задумчивости. Входят раби Шамшон, двое духовных судей и Михоэль.)

Раби Шлоймеле *(поднимается им навстречу)*. Благословенны грядущие!

Раби Шамшон, судьи. Хорошая неделя, равви!

Раби Шлоймеле. Я обеспокоил вас, просил прийти ко мне. Надо спасти дочь Израиля, освободить от Дибука [изгнать из нее духа], который не хочет выйти по доброй воле. Приходится прибегнуть к грозным мерам [изгнать его посредством проклятий и отлучения]. Я обращаюсь к вам, раби, как к духовному повелителю общины, чтобы вы дали мне разрешение выступить против Дибука [духа] с отлучением* и заклятиями.

Раби Шамшон *(вздыхнув)*. Отлучение страшно для живого, тем более для мертвого. Но если нет другого средства и такой божественный муж, как вы, находит нужным прибегать к этому, я даю

Отлучение *(ивр. херем)* – самое тяжелое наказание, которое могла наложить община на того, кто противился ее власти. Члены общины воздерживались от каких-либо социальных или деловых контактов с отлученным; он не мог также получать кошерные продукты, вступить в брак, быть похороненным согласно традиции.

свое согласие. Но раньше я должен открыть вам тайну, которая имеет отношение к этому делу.

Раби Шлоймеле. Говорите, равви.

Раби Шамшон. Помните, равви, когда-то приезжал сюда к вам молодой человек Нисон Ривкес, очень набожный и ученый?

Раби Шлоймеле. Помню его хорошо. Он умер молодым.

Раби Шамшон. Да. И вот в эту ночь он явился ко мне трижды и сказал, что Дибук, вошедший в дочь Сендера, душа [дух] его сына, недавно умершего. И со слезами молил, чтобы я вызвал Сендера на суд с ним, так как он считает его виновником смерти сына.

Раби Шлоймеле. В чем обвиняет он Сендера?

Раби Шамшон. Он не говорит. Обещает на суде все рассказать... но еще раньше я что-то слышал, что Сендер, бывший его близким другом, чем-то обидел его, не выполнив какого-то обещания...

Раби Шлоймеле. Если еврей требует еврея на суд, раввин не имеет права отказать ему. Тем более – покойнику. Но какова бы ни была вина Сендера, это к Дибuku не имеет отношения. Он должен сейчас же покинуть тело отроковицы. А завтра, если Господь позволит, мы разрешим ваш сон, и вы вызовете Сендера и покойника на суд.

Раби Шамшон. Хотя я духовный властелин общины и мы втроем духовные судьи, но мы просим вас, раби, вместе с нами разобрать это трудное дело и быть у нас верховным судьей.

Раби Шлоймеле. Уступаю вашей просьбе... А теперь, Михоэль, вели ввести отроковицу.

Сендер и Фрада вводят Лию и сажают на прежнее место.

Тень человека! Именем духовного властелина общины и суда праведного, сидящего здесь. Я, Шлойме бен Гудес, в последний раз предупреждаю тебя и повелеваю покинуть тело отроковицы Лии бас Ханы. Если ты и на этот раз не окажешь нам должного повиновения, мы выступим против тебя с самыми грозными заклятиями. Я подыму против тебя высших и низших. И тогда тебя ждет вечная гибель...

Лия (Дибук). Я не выйду!

Раби Шлоймеле. Пусть входят десять человек в белых кителях. (*Входят.*) Выньте Свитки. (*Вынимают.*) Зажгите черные свечи. (*Зажигают.*) Берите трубные рога! (*Берут рога. Громко, торжественно.*) Тень человека, ушедшего из мира живых, заклинаю тебя,

чтобы ты в сей же миг покинул тело отроковицы Лии бас Ханы! (*Выжидание. Решительно.*) Трубите Текио! (*Трубят.*)

Лия (Дибук) (*бьется в ужасе*). Отпустите меня, не тащите меня! Не хочу выйти! Не могу!

Раби Шлоймеле. Трубите Шворим! (*Трубят.*)

Лия (Дибук) (*изнемогая*). Не могу, не могу...

Раби Шлоймеле. Трубите Теруо! (*Трубят.*)

Лия (Дибук) (*слабо*). Я изнемог... горе мне. Я должен выйти. (*С мольбой.*) Раби, сжался, дай мне сроку хоть до завтра, чтобы вы молитвами успели очистить для меня путь от дьяволов.

Раби Шлоймеле (*подумав*). Даем тебе двенадцать часов сроку. И если ты завтра, по истечении этого времени, не исполнишь обещания, мы извлечем тебя насильно Святыми Именами и трубными звуками.

Лия (Дибук). Горе мне! Горе мне!

Раби Шлоймеле. Спрячьте Свитки. Тушите свечи. (*Тушат. Сендеру.*) Сей же час пошли самых быстрых лошадей за сватами и женихом, чтобы они приехали сюда не позже как через двенадцать часов.

Сендер. Они, может быть, не захотят ехать?..

Раби Шлоймеле. Пусть им скажут, что я велел!

Лия (*очнувшись, своим голосом*). Не хочу... не хочу... не хочу...

Занавес

Д Е Й С Т В И Е IV

Та же обстановка, что в третьем действии, только на месте длинного стола слева – небольшой четырехугольный стол. За ним в кресле сидит раби Шлоймеле в молитвенном облачении (талесе) и филактериях. По обеим сторонам цадика сидят судьи. Перед ними стоит раби Шамшон. У дверей стоит Михоэль. Заканчивают обряд «пояснения сна».*

Филактерии (также: тфилин) – кожаные коробочки с отрывками из книг Исхода и Второзакония, которые накладываются совершеннолетними евреями на левую руку и на лоб во время утренней молитвы в будни.

Раби Шамшон. Добрый сон я видел, добрый сон я видел, добрый сон я видел!

Раби Шлоймеле и оба судьи (вместе). Добрый сон ты видел, добрый сон ты видел, добрый сон ты видел!

Раби Шлоймеле. Раввин! Мы пояснили ваш сон к добру. Теперь сядьте с нами, как судья. (*Усаживаются все четверо в ряд, оба судьи по краям.*) Михоэль, подай мне посох. (*Михоэль подает.*) Михоэль! Возьми мой посох и ступай на кладбище, и пойдешь по кладбищу к востоку. И когда дойдешь до середины, закрой глаза и с закрытыми глазами иди дальше, и шарь посохом впереди себя. И на том месте, где посох задержится, – остановись. И подойди к могиле, которая будет всего ближе к тебе, и ударь по ней посохом три раза, и скажи такими словами: «Покойник, праведный! Шлойме, сын великого Тартаковского цадика, раби Ицеле, послал меня просить тебя, чтобы ты, ведомыми тебе путями и способами, известил покойника Нисона бен Ривке, что суд праведный вызывает его на суд с Сендером бен Гени». Повторишь это три раза. Потом повернись лицом к западу и иди обратно. И не оборачивайся, не оглядывайся назад, какие бы крики, призывы и голоса ты ни слышал за собой. Иначе ты будешь в большой опасности. И ни на один

миг не выпускай из рук моего посоха. Остерегайся и остерегайся! Ступай, и Господь тебя спасет, ибо посланцы по святому делу охраняются от бед. (*Михоэль хочет взять посох.*) Подожди, я сперва должен сделать отделяющий круг для покойника. (*Поднимается, подходит к левому углу и делает посохом слева направо большой круг, при этом что-то шепчет. Дает Михоэлю посох. Михоэль уходит.*) Теперь пусть сделают ограду для покойника. Только следует остерегаться – не ступить в круг, который я сделал.

Приносят простыню и привешивают ее за два края к потолку так, что, спускаясь до пола, она закрывает весь левый угол.

Позовите Сендера.

Входит Сендер.

Ты послал подводу за сватами и женихом?

Сендер. Послал.

Раби Шлоймеле. Их еще нет?

Сендер. Нет, но, должно быть, скоро придут. Я послал самых быстрых лошадей.

Раби Шлоймеле. Пошли гонца им навстречу, чтобы торопились.

Сендер. Пошлю.

Раби Шлоймеле (*иным тоном*). Раби Сендер, служка судейских известил тебя, что покойник Нисон бен Ривке вызывает тебя на суд?

Сендер. Да...

Раби Шлоймеле. Ты принимаешь наш суд?

Сендер. (*дрожащим голосом*). Принимаю. (*Пауза.*)

Раби Шлоймеле (*судьям*). Скоро среди нас появится бесплотный [беспокойный] дух из мира праведного, и мы должны будем рассудить его тяжбу с человеком из мира призрачного. Такой суд свидетельствует, что хотя Тора на земле, ее законы обязательны и для небес, и для бесплотных [беспокойных] духов. (*Пауза.*) Такой суд грозен и страшен, ибо за ним следят во всех высших Чертогах, и при малейшем отклонении от закона сами судьи могут быть вызваны к Верховному Судилищу. Мы должны быть стойки и непреклонны, ибо... ибо... (*Обрывает речь, оглядывается. Все оглядываются. Наступает жуткая тишина. Раби Шлоймеле устремляет взор на полог. Все за ним.*)

1-й судья (*тихим шепотом, со страхом*). Кажется, он здесь...

2-й судья (так же). Он, кажется, здесь...

Раби Шамшон. Он здесь... (*Жуткая пауза.*)

Раби Шлоймеле. Покойник Нисон бен Ривке! Суд праведный повелевает тебе не выступать из круга, который для тебя обведен. (*Пауза.*) Покойник Нисон бен Ривке, суд праведный спрашивает тебя, что ты имеешь против Сендера бен Гени?

Слышны шепот, неясные слова. Все трепетно прислушиваются. Жуткая тишина.

1-й судья (шепотом). Он отвечает...

2-й судья (так же). Он отвечает.

Раби Шамшон. Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке рассказывает, что в молодости ты с ним учился в одном ешиботе, и вы жили душа в душу. Когда вы оба женились, вы встретились на праздниках у старого Тартаковского цадика раби Ицеле и, чтобы сильнее закрепить свою дружбу [душу], дали друг другу руку с клятвенным обещанием, что если у одного из вас родится сын, а у другого дочь, вы их будете считать женихом и невестой и потом ожените...

Сендер (*дрожащим голосом*). Это... было... Мы поклялись.

Раби Шамшон. Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке говорит, что вскоре после этого его жена родила сына, а через год сам он умер... (*Короткая пауза.*) В мире праведном он узнал, что сын его наделен высокой душой и быстро подымается по ступеням совершенства. И радовался, и веселилась душа его, и видел он, что, когда настало время жениться, сын его, сам не зная того, стал искать свою суженую. И ходил он из города в город, пока не пришел в тот город, где жил Сендер. И вошел он в дом Сендера, и сел у стола его. И устремилась душа юноши к нареченной его. Но Сендер был богат, а сын Нисона был нищ. И Сендер презрел его. И стал искать для дочери женихов с богатым приданым. И в душе сына Нисона зародилось отчаяние, и он стал искать новые пути. И душа Нисона печалилась и трепетала. И князь тьмы, увидав душевное смятение юноши, распростер перед ним силки и сети и изловил его. И сын Нисона ушел из мира живых раньше времени. И умер он страшной смертью, с хулой против Бога на устах. И душа его блуждала без пристанища, как отверженная, пока не превратилась в Дибук. (*Пауза.*) Нисон бен Ривке говорит, что он остался отрубленным от обоих миров, без потомства, без поминальщика. Свет его погас до

скончания миров. И единственным виновником своего позора и вечной гибели своего рода он считает Сендера. И он молит суд праведный, чтобы Сендера судили по законам Святой Торы за кровь его потомства до последнего поколения, которую Сендер пролил.

Слышны рыдания. Пауза.

Раби Шлоймеле (*Сендеру*). Что ты можешь ответить?

Сендер (*тоном кающегося*). Не могу раскрыть уст моих, и нет у меня слов, чтобы говорить. Я признаю свою великую вину и молю Нисона, чтобы он простил меня. Ибо не по жестокости сердечной и не по злой воле совершил я грех свой... После нашей встречи мы разъехались в разные стороны, в дальние края, и я ничего не слышал о моем друге и не знал, где он, и не знал, что у него родился сын и что сам он умер. И видя, что он меня не разыскивает и не напоминает, я решил, что жена его не родила сына и наша клятва уничтожена.

Раби Шамшон. Почему ты не разыскивал Нисона?

Сендер. У меня была дочь, и я считал, что если б у него был сын, он бы меня искал. Ибо сторона жениха должна делать первый шаг.

Раби Шлоймеле. Почему, когда сын Нисона пришел к тебе в дом и сел за твой стол, ты не спросил его, кто он и откуда?

Сендер. Не знаю, не помню... Но клянусь, что душа моя стремилась взять его в мужья для дочери... И когда мне предлагали самые выгодные партии, я нарочно ставил свои невыполнимые условия. Таким образом, три раза различные сваты уезжали ни с чем... Но родственники, друзья настаивали...

Пауза.

Раби Шамшон. Покойник Нисон бен Ривке говорит, что это неправда!.. Ты уловил в сыне сходство с отцом и боялся спросить, кто был его отец. Ты гнал за червонцами, за сытым и долголетним столом для дочери, и по твоей жадности дерево его жизни подрублено под корень и венец с головы его скатился в пропасть.

Сендер. Нисон, во имя нашей дружбы, прости меня!

Пауза. Жуткая тишина. Входит Михоэль и молча подает посох раби Шлоймеле.

Раби Шлоймеле (*совещається с раввином и судьями. Берет посох*). Мы, суд праведный, выслушали обе стороны и постановляем: так как неизвестно, были ли жены обоих тяжущихся беременны в тот час, когда было совершенно клятвенное обещание, и так как по законам Святой Торы всякая сделка считается недействительной, если предмет сделки еще не создан, то суд праведный не может признать, что выполнение клятвы было обязательно для Сендера. Но так как в небесах клятва была принята и в душу юноши было заложено чувство, что отроковица – его суженая, то Сендер должен искупить совершившееся несчастье. Поэтому мы повелеваем, чтобы он до конца жизни читал по Нисону и его сыну поминальную молитву, как по родному отцу, и чтобы он роздал половину своего имени бедным за упокой души безвременно погибшего юноши. И суд праведный просит покойника Нисона бен Ривке простить Сендера полным прощением. И за это Господь прольет на него и сына его Свое великое милосердие. Аминь.

Судьи, раби Шамшон, Сендер. Аминь...

Раби Шлоймеле. Покойник праведный. Ты слышал, что мы постановили? Принимаешь ли наше постановление?

Тишина. Еле слышны рыдания.

Покойник Нисон бен Ривке. Суд праведный закончен. Теперь ты должен вернуться туда, откуда пришел. В пути своем не задень ни одного живого существа. (*Пауза.*) Михоэль, подай воды. (*Михоэль подносит кружку воды, таз, ставит на пол; все моют руки.*) Снимите полог. (*Снимают.*) Михоэль, подай мне посох. (*Раби Шлоймеле проводит посохом круг по тому же месту, что раньше, но обратно, справа налево. Сендеру.*) Сендер, ты слышал постановление суда праведного?

Сендер. Слышал.

Раби Шлоймеле. Ты его принимаешь?

Сендер. Принимаю.

Раби Шлоймеле. Сендер! Скоро истекает время, данное нами Дибуку. Как только он выйдет из тела дочери твоей, необходимо в тот же миг повести ее под венец. Что будет совершено, то будет совершено. Пусть к тому времени все будет приготовлено! Пусть дочь твою нарядят в подвенечное платье! Если жених еще не приехал, пошли нового гонца.

Сендер. Сделаю все, как велите. (*Выходит вместе с Михоэлем.*)

Раби Шлоймеле снимает с себя облачение и филактерии и складывает.

Раби Шамшон (*шепотом судьям*). Вы заметили, что покойник не простил Сендера?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Вы заметили, что он не сказал, что подчиняется постановлению суда?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Вы заметили, что на слова цадика он не ответил «Аминь»?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Это очень дурное предзнаменование... Смотрите, как раби Шлоймеле расстроен. У него руки дрожат.

Судьи. Да.

Раби Шамшон (*шепотом*). Мы свое дело сделали. Мы можем уйти... (*Незаметно уходят.*)

Раби Шлоймеле (*сильно поглощенный мыслями. Поднимает руки к небу*). Создатель Вселенной! Что должно свершиться – пусть свершится! Твоих постановлений я не хочу ломать. (*Пауза.*) Михоэль, веди ввести отроковицу.

Сендер и Фрада вводят Лию в подвенечном платье, сажают на диван.

Дибук [Дух]! Ты помнишь свое обещание.

Лия (Дибук) (*бледным, замогильным голосом*). По-мню.

Раби Шлоймеле. Ты его исполнишь?

Лия (Дибук) (*так же*). Исполню...

Раби Шлоймеле (*поднимает руки к небу. Молитвенно*). Создатель! Господь прощения, жалости и милосердия! Мы прибегаем к Тебе с молитвой: возри на муки и страдания отверженной души человеческой [отверженного духа] и поступи с ней милосерднее закона, не отринь от нее надежды на спасение, ибо перед Тобой открыто и Тебе ведомо, что согрешила она хулой против Твоего Святого Имени не по дерзости своей, а по неведению. Пусть пред Престолом Твоим предстанут ее добрые дела, заслуги ее предков и наши молитвы. И пусть все сие будет принято Тобой как благоухающее воскурение. Господь Израиля! Отстрани в своем великом милосердии от сей души человеческой [духа сего] всех дьяволов с их князем тьмы, очисти для него путь и дай ему в Твоих бесконечных мирах место покоя, тишины и отдохновения. Аминь.

Все. Аминь.

Раби Шлоймеле. Дух! Повелеваю тебе выйти из отроковицы, вылететь через окно и в своем пути не задеть ни мужчину, ни женщину, ни живую тварь.

Лия (Дибук) *(с отчаянием)*. Скорее читайте поминальную молитву. Скорее. Час истекает!..

Раби Шлоймеле *(читает)*. Да возвеличится, да освятится Его великое Имя!

Лия (Дибук). Ай!

Разбивается стекло. Лия падает.

Раби Шлоймеле *(поспешно)*. Ведите невесту к венцу!

Михоэль *(вбегают)*. Только что вернулся гонец. Говорит, что у сватов сломалось колесо и они идут пешком. Но их уже видно издали, они на пригорке. Скоро придут.

Раби Шлоймеле *(очень расстроенный)*. Что должно совершиться – пусть совершится... С невестой останется старуха. А мы все пойдем встречать жениха. *(Проводит посохом вокруг Лии.)*

Все выходят. Остаются Лия и Фрада. Долгая пауза.

Лия *(открывает глаза)*. Кто здесь? Бабонька!.. Бабонька, мне тяжело!.. Помогите мне... убаюкайте меня...

Фрада. Пусть тебе не будет тяжело, доченька моя. Тяжело пусть будет злему татарину, черному коту. А тебе на сердечке пусть будет легко-легко, как пушок, как снежиночка, как тихое дыханьице... Сладкие сны пусть тебе снятся, чистые думушки пусть реют вокруг тебя; святые ангелы пусть обвевают тебя своими крылышками.

Слышна музыка.

Лия *(вздрагивает)*. Идут плясать вокруг святой могилки, увеселять мертвых жениха и невесту...

Фрада. Не дрожи, доченька, не бойся. Вокруг тебя стоит большая стража, сильная стража. Шестьдесят могучих богатырей стоят с обнаженными мечами, Святые патриархи охраняют тебя от дурной встречи, Святые праматери охраняют тебя от дурного глаза. Скоро поведут тебя, доченька, к венцу. Мать твоя, праведница, в золоте и серебре наряженная, из рая выходит, из рая выходит. Идут ей навстречу два ангела, два ангела – и за руки берут, и за руки берут. Один справа,

другой слева. «Ханеле моя, Ханеле краса, что ты разрядилась так, в злате-серебре, в злате-серебре?» И отвечает им Ханеле: «Как не наряжаться мне – радость велика: доченьку родимую под венец ведут». И отвечает им Ханеле: «Как мне не кручиниться – велика печаль. Под венец родимую чужие поведут». Вот ведут красавицу Лиеле к венцу. Тут же появляется сам пророк Илья. Поднимает высоко свой большой бокал. Мир благословляет он, праведных и злых... Голос его слышится... далеко вокруг... (*Засыпает.*)

Долгая пауза.

Лия (*тяжело стонет. Открывает глаза*). Кто здесь так тяжело стонет?
Хонон (*появляется перед ней в саване*). Я!
Лия (*глядит на него*). Кто ты? Я тебя не узнаю...
Хонон. Тебя отделили от меня непроницаемой оградой, заклятым кругом.
Лия. Твой голос мне так мил, как тихий плач скрипки в ночной тишине. Говори...
Хонон. Я весь истерзан...
Лия. Одежды твои белы и чисты.
Хонон. Земля меня не принимает.
Лия. Твое лицо и руки не покрыты ранами и язвами.
Хонон. Тело мое я убил раньше, чем дьяволы могли его коснуться. Но они терзают мою душу, обжигают ее своими взорами, обливают ядом, пронизывают безнадежным мраком.
Лия. Расскажи мне, кто ты.
Хонон. Я забыл. Я помню только тебя.
Лия. Но ведь ты был слит со мной.
Хонон. С тех пор как во мне проснулась первая мысль, я ощутил в себе странную печаль и тоску. И в грезах беспокойного сна, и в грезах талмудического напева звучал для меня голос, звавший меня, как глас Господень отрока Самуила-пророка. И сердце мое, преисполненное трепетным восторгом, рвалось ввысь. И я убегал в лес, падал на землю, прижимался к ней и орошал слезами молитвы и восторга. И в тихую полночь я вскакивал с моего ложа, кидался к кивоту, прижимал пылающую голову к Священным Свиткам, бил себя в грудь, плакал и каялся в грехах не содеянных. Я искал пути к Богу – и припал жадными устами к источнику Торы. Но я не нашел покоя – и ушел «справлять изгнание». И бродил я с места на место,

- пока не пришел в твой город, пока не вошел в дом отца твоего. И я увидел тебя. *(Пауза.)*
- Лия** *(с закрытыми глазами)*. Говори... Когда ты говоришь, я сквозь закрытые веки вижу яркое солнце. Когда ты умолкаешь, вокруг меня становится темно и страшно.
- Хонон.** Я тебя увидел, и вся душа моя потянулась к тебе с трепетом восторга и молитвы. И я понял, что это тебя я видел в своих грезах и что раньше, чем встретить тебя, все мои ощущения были уже проникнуты тобой. Тебя я чувствовал в лучах солнца, в пении птичек, в дуновении ветерка и прозябании травки. И каждая мысль моя была молитвой тебе, каждое дыхание – славословием тебе, каждый взгляд очей моих – благодарственной жертвой тебе. И я понял, что знал тебя с первого часа моего рождения, ибо ты моя суженая от Бога.
- Лия.** Припоминаю... и я тосковала тихой и нежной тоской по ком-то... И моя душа тянулась жадно к какому-то яркому светочу... Припоминаю: и я проливала сладкие слезы и в грезах ночных нежно, как мать, кого-то ласкала... Это был ты?
- Хонон.** Я...
- Лия.** Припоминаю: у тебя были мягкие, точно заплаканные волосы. У тебя были длинные ресницы и грустные, тихие глаза... у тебя были нежные руки с тонкими длинными пальцами. И голос твой был печальный и ласковый... Я дни и ночи думала только о тебе и не ощущала в этом греха – это ты мой суженый от Бога... *(Пауза.)* Почему ты ушел от меня?
- Хонон.** Я ушел убивать плоть, чтобы очистить и возвысить душу, дабы она была достойна воспринять тебя. Я видел, что силами земными я не могу обрести тебя – и пошел искать силы небесные, силы преисподние.
- Лия.** И ты ушел из мира живых. И солнце мое погасло... и душа моя завяла.. И повели меня, невесту-вдову, с веселым пением к венцу с чужим. Затем ты вернулся.... И пошла я с непокрытой головой к венцу с тобой. И в сердце моем зацвела мертвая жизнь и печальная радость.
- Хонон.** Теперь отняли у нас и эту печальную радость... последнюю. *(Плачет.)*
- Лия** *(нежно)*. Не плачь, не плачь... Вернись ко мне, мой жених, мой муж. Я буду тебя, мертвого, носить в своей груди. И в ночных снах мы будем убаюкивать наших нерожденных детей. *(Плачет.)* Я буду им шить рубашечки, буду им петь песенки:

Баю, деточки мои,
 Не родившись, умерли.
 Мать – могила для отца,
 Овдовела без венца...

С улицы доносится музыка, обычный мотив, каким ведут к венцу.

(Встрепенувшись.) Опять идут, чтобы вести меня к венцу с чужим... с чужим... Приди ко мне... Приди.
Хонон *(рванувшись).* Не могу переступить круг! Не могу!
Лия *(поднимается, протягает к нему руки).* Если ты не можешь прийти ко мне, я иду к тебе. Мой вечный жених... мой муж!
(Кидается к нему. Падает мертвой. Хонон исчезает.)
Голоса *(за сценой).* Дружки! Идите вести невесту к венцу.

Входит раби Шлоймеле с посохом. За ним мужчины, женщины.

Раби Шлоймеле *(увидав мертвую Лию, останавливается, опускает голову).*
 Опоздали... *(Поднимает голову. Громко и торжественно.)* Благословен Судия праведный! Борух Даян Эмет!

Занавес

Э П И Л О Г

Та же декорация, что в Прологе. Старик и Дочь сидят в тех же позах. Дочь, подавшись вперед, глядит на Старика широко раскрытыми глазами, потрясенная только что выслушанным рассказом.

Старик *(поднимает опущенную голову и медленно, торжественно произносит).* Борух Даян Эмет! Благословен Судия праведный!

Занавес медленно опускается